

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра русского языка, литературы и речевой коммуникации
45.03.01 Филология

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой РЯЛиРК
И.В. Евсева
« 16 » _____ 2017 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА
**ЭТИКЕТНЫЕ РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ
В ДУХОВНЫХ ПИСЬМАХ
АРХИМАНДРИТА СОФРОНИЯ (САХАРОВА)**

Выпускник М.В. Шипилова

Научный руководитель д-р филол. наук, доц. И.В. Евсева

Нормоконтролер Н.П. Булахова

Красноярск 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ТЕОРИЯ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ. ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА «ДУХОВНОЕ ПИСЬМО»	8
1. 1. Развитие теории речевых жанров и понятие речевого жанра.....	8
1.2. Классификации речевых жанров.....	13
1.3. История и особенности эпистолярных жанров.....	19
1.4. Жанр «духовное письмо»	24
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1	27
ГЛАВА 2. ЭТИКЕТНЫЕ РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ КАК ЧАСТЬ ПРАВОСЛАВНОГО РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА	29
2.1. Понятие речевого этикета.....	29
2.2. Характеристика этикетных речевых жанров.....	33
2.3. Этикетные особенности православного социолекта.....	37
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2	41
ГЛАВА 3. ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЭТИКЕТНЫХ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ В ДУХОВНЫХ ПИСЬМАХ АРХИМАНДРИТА СОФРОНИЯ (САХАРОВА)	43
3.1. Эпистолярный зачин и жанр «приветствие».....	43
3.2. Жанр «поздравление».....	47
3.3. Жанр «извинение».....	51
3.4. Жанр «благодарность»	54
3.5. Эпистолярная концовка и жанр «прощание».....	56
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3	60
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	63
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	65

ВВЕДЕНИЕ

Духовное наследие архимандрита Софрония (в миру Сергея Семёновича Сахарова, 1896–1993) ещё мало исследовано лингвистами. Ученик и биограф Силуана Афонского, основатель монастыря Святого Иоанна Предтечи близ Эссекса (Англия), он автор таких обсуждаемых в православной среде книг, как «Старец Силуан» (1948), «Видеть Бога как Он есть» (1985), «О молитве» (1991), а также ряда изданных писем. Среди лингвистических работ, посвящённых его текстам, можно назвать лишь статьи А.Н. Смолиной [Смолина, 2016b] и В.И. Постоваловой [Постовалова, 2016].

Лингвистический статус языка православных верующих в современной науке также ещё не вполне определён: его рассматривают как церковно-религиозный (возможны иные термины) функциональный стиль [Крысин, 1996; Кожина, 2008; Гольберг, 2002; Ицкович, 2016; Крылова, 2000], как социолект или религолект [Бугаева, 2006], как особый тип дискурса – религиозный дискурс [Бобырева, 2007; Карасик, 2002]. Однако всеми признаётся, что это особая языковая подсистема, которую необходимо исследовать. Жанры православной коммуникации сейчас изучаются достаточно активно, однако интерес пока вызывали в основном жанры, которые специфичны для религиозной коммуникации: акафист [Богословский, 1999; Борисова 1998; Давыдов, 2003], проповедь [Бурцев, 2012; Гольберг, 2002; Жолудь, 2002; Звездин, 2012; Крылова, 2005; Салимовский, Сулова, 2005], житие [Абрамова, 2004; Антипова, 2010; Васильев, 2008; Дмитриев, 2005; Литвинина, 2009], молитва [Берендеева, 2015; Прохватилова, 2007] и др. Существуют также попытки выстроить единую классификацию этих жанров [Ицкович, 2016; Бугаева, 2006]. Однако на жанры, которые не являются специфичными для православной коммуникации и более широко распространены, эта языковая подсистема может оказывать влияние. Поэтому представляется необходимым изучить,

каким образом этикетные речевые жанры изменяются (или не изменяются), когда используются в общении православных. Помимо этого, в науке уже отмечают необходимость изучения того, как функционируют этикетные речевые жанры в духовных письмах [Смолина, 2016с: 389]. Таким образом, **актуальность** работы объясняется необходимостью лингвистического осмысления наследия архимандрита Софрония, а также потребностью более пристального изучения речевых жанров православной среды.

Прежде, чем определить объект и предмет исследования, необходимо обратиться к терминам «жанр» и «субжанр». Согласно исследованиям К.Ф. Седова, субжанром является наименьшая жанровая форма, которая равняется одному речевому акту, а жанром – более крупная единица вербального оформления взаимодействия партнёров коммуникации, которая может содержать несколько сверхфразовых единств [Седов, 2007: 14–15]. Исходя из такого деления, «приветствие», «прощание», «извинение», «благодарность», «поздравление» будут считаться субжанрами, входящими в жанр «духовное письмо». В настоящем исследовании анализируются именно субжанры, по отношению к которым при дальнейшем описании для сокращения будет использоваться термин «жанр».

Объектом исследования стали жанры приветствия, прощания, благопожелания, благодарности, поздравления и извинения в духовных письмах архимандрита Софрония.

Предмет исследования – особенности функционирования этих жанров в письмах архимандрита Софрония.

Цель работы – выявить особенности употребления этикетных речевых жанров в письмах архимандрита Софрония.

Для её достижения необходимо решить следующие **задачи**:

- 1) рассмотреть проблемные вопросы, касающиеся общей классификации речевых жанров;
- 2) изучить теоретический материал, посвящённый эпистолярным и этикетным речевым жанрам;

3) выяснить, какие этикетные речевые жанры используются архимандритом Софронием в исследуемых письмах и почему;

4) описать и объяснить специфику употребления этикетных речевых жанров, их функции и языковое воплощение.

Материалом послужили письма архимандрита Софония к Марии Семеновне Калашниковой (Сахаровой), Александре Семеновне Сахаровой, протоиерею Георгию Флоровскому, Давиду Бальфуру и к семье протоиерея Бориса Старка. Всего проанализировано 183 письма.

Методологической базой работы стали труды М.М. Бахтина, В.В. Дементьева, Н.Б. Лебедевой, О.А. Леонтович, В.И. Карасика, В.В. Кашириной, А.Н. Смолиной, А.А. Акишиной, Н.И. Формановской, Н.Д. Арутюновой, Е.М. Виноградовой, Т.В. Тарасенко и др.

В ходе исследования использовались **методы** 1) контент-анализа (служит систематичному количественному описанию содержания коммуникации); 2) дескриптивно-аналитический (направлен на описание особенностей языкового воплощения жанров, используемых синтаксических структур и готовых формул).

Структура работы. В первой главе «Теория речевых жанров. Особенности жанра духовное письмо» с опорой на монографию В.В. Дементьева кратко описывается история развития теории речевых жанров, обращается особое внимание на труд М.М. Бахтина «Проблема речевых жанров». Рассматриваются попытки классификации жанров (деление на первичные и вторичные, «целеориентированные» классификации Н.Д. Арутюновой, Т.В. Шмелёвой, возникшие для описания устной разговорной речи классификации М.В. Китайгородской и Н.Н. Розанова, Н.Б. Лебедевой, классификация на основе социальных ролей Л.П. Крысина). Отмечается, что по большей части канон эпистолярных жанров сложился ещё в античности; русская эпистолярная культура через восприятие опыта Византии также складывается под влиянием подобных канонов. Несмотря на разнообразие эпистолярных жанров, все они обладают некоторыми общими

признаками. Духовное письмо как особый жанр отличается, в первую очередь, тем, что посвящается серьёзным мировоззренческим вопросам, имеет целью поучение, совет, наставление, а его автор обыкновенно является духовным лицом.

Во второй главе «Этикетные речевые жанры как часть православного речевого этикета» рассматриваются особенности этикета в целом и речевого этикета в частности (диалогичность, системность, связь с игрой, ритуалом, с системой ценностей, идиоматичность, ситуативность, социально-ролевая обусловленность). Приводится общая характеристика этикетных речевых жанров, указываются жанровые особенности, без которых невозможно достижение целей данных жанров, концепции автора и адресата, событийное содержание, а также отмечается, что этикетные речевые жанры зачастую реализуются как перформативные высказывания. Затрагивается проблема определения научного статуса языка православных, характеризуются некоторые специфические черты речевого этикета этой языковой подсистемы.

В третьей главе «Особенности функционирования этикетных речевых жанров в духовных письмах архимандрита Софрония (Сахарова)» представлены результаты анализа этикетных речевых жанров в 183 письмах архимандрита Софрония. Описывается жанр приветствия в тесной связи с зачином письма (написанием даты, обращением, благопожеланием), жанр поздравления (акцентируется внимание на моментах, отражающих особенности православного мировоззрения). Демонстрируется, что эпистолярная концовка (подпись, итоговые стереотипные фразы, повтор извинений и поздравлений, просьбы передать привет) в целом выполняет функцию вежливого завершения общения. Характеризуются жанры извинения и благодарности, обращается внимание на то, что эти жанры (в отличие от остальных этикетных жанров) в исследуемой переписке соответствуют общеязыковому стандарту и не отражают специфики православного социолекта.

Апробация материалов исследования. Основные результаты исследования были представлены на международной научно-практической конференции молодых исследователей «Язык, дискурс, (интер)культура в коммуникативном пространстве человека» в секции «Жанровые особенности современной коммуникации», которая проходила 25 апреля 2017 г.

ГЛАВА 1. ТЕОРИЯ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ. ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА «ДУХОВНОЕ ПИСЬМО»

1. 1. Развитие теории речевых жанров и понятие речевого жанра

Основоположником теории речевых жанров в научной традиции принято считать М.М. Бахтина. Но, как известно, ещё до Бахтина существовало множество определений жанра, хотя это понятие ранее считалось преимущественно искусствоведческим. Все «добахтинские» концепции В.В. Дементьев предлагает делить на две группы. Первые, по словам исследователя, опираются на классическое понимание жанра как категории, применимой только к произведениям искусства, что, к примеру, представлено в трудах Аристотеля и Н. Буало [Дементьев, 2010: 22–23]. С другой стороны, часть лингвистов, изучавших разговорную речь, а также психолингвистов, антропологов, философов, этнографов, не давая понятию «жанр» чёткого определения, исходили и исходят из описания отдельных аспектов жанровой организации речи. По мнению Дементьева, эти работы содержат ряд ценных наблюдений (соответствие речевых действий типу действительности, существование устойчивых форм речи и речевого поведения или связь с речевым этикетом), но отсутствие чётких определений и целостных концепций жанра является их главным недостатком. [Там же: 23]. Как одно из достижений подхода Дементьев приводит тот факт, что в рамках изучения русской разговорной речи было установлено: «речевые жанры являются неотъемлемой частью и основным средством организации разговорной речи сложного коммуникативного феномена, чаще всего характеризующегося непосредственностью, спонтанностью, неофициальностью, постоянным активным участием слушающего» [Там же: 24].

К третьей же группе относят определения, сформулированные в рамках теории речевых жанров и так или иначе опирающиеся на идеи М.М. Бахтина.

В 1979 году впервые была опубликована его статья «Проблема речевых жанров», и начало 80-е годов XX века считают отправной точкой в развитии теории речевых жанров. Относительно устойчивые типы высказываний, неразрывно связанные тремя моментами: тематическим содержанием, стилем и композиционным построением, М.М. Бахтин предлагает называть речевыми жанрами [Бахтин, 1979: 237]. Лингвист пишет, что язык богат речевыми жанрами, количество их необозримо, а сами жанры крайне разнородны: «к речевым жанрам мы должны отнести и короткие реплики бытового диалога <...> и бытовой рассказ, и письмо <...> и короткую стандартную военную команду, и развёрнутый и детализированный приказ, и довольно пёстрый репертуар деловых документов <...> и разнообразный мир публицистических выступлений <...> но сюда же мы должны отнести и многообразные формы научных выступлений и все литературные жанры» [Там же: 237–238]. Объясняется подобное разнообразие неисчерпаемым множеством разновидностей человеческой деятельности. Каждой сфере, по мнению Бахтина, соответствует особое множество устных и письменных жанров [Там же: 237], причём все высказывания можно, так или иначе, классифицировать как речевой жанр: «мы говорим только определёнными речевыми жанрами, то есть все наши высказывания обладают определёнными и относительно устойчивыми типическими формами построения целого» [Там же: 257].

Любое высказывание, согласно М.М. Бахтину, определяется речевым замыслом или «речевой волею говорящего». Замысел организует целое высказывания, его объём и границы, завершённость. Он же определяет и предмет речи. Но прежде всего, как замечает исследователь, речевая воля говорящего выражается в выборе определённого речевого жанра. Далее же можно наблюдать обратную зависимость, когда «речевой замысел говорящего со всей его индивидуальностью и субъективностью применяется и приспособляется к избранному жанру, складывается и развивается в определенной жанровой форме» [Там же: 256–257]. В результате подобного взаимного влияния и формируется высказывание.

Следующий компонент речевого жанра – стиль. По словам М.М. Бахтина, «всякий стиль неразрывно связан с высказыванием и с типическими формами высказываний, то есть речевыми жанрами», однако любое высказывание индивидуально, так как может обладать индивидуальным стилем [Там же: 240]. И всё же жанры в разной мере благоприятны для отражения индивидуальности говорящего, а в подавляющем большинстве речевых жанров (исключая жанры художественной литературы) стиль не входит в замысел, а лишь становится дополнительным «продуктом высказывания». Говоря о неразрывной связи стиля и жанра, Бахтин также затрагивает проблему функциональных стилей: в каждой сфере человеческой жизни, которой соответствует особый функциональный стиль, бытуют определённые жанры, порождённые функцией этого стиля и специфическими для каждой сферы условиями речевого общения [Там же: 241].

Нормативность, данность говорящему готовых речевых жанров сопряжена с бессознательным их использованием. Несмотря на широкую вариативность и гибкость многих жанров, говорящий пользуется уже сложившейся, данной ему моделью, но при этом пользуется неосознанно. Бахтин сравнивает речевые жанры с родным языком, которым мы свободно пользуемся, даже не изучая грамматику, специально о ней не думая [Там же: 260]. Лингвист считает, что изучение речевых жанров – дело далеко не последней важности. Игнорирование же их приводит к мысли, что речь – полный произвол индивидуальной воли говорящего, а также к смешению предложения и высказывания [Там же]. В.М. Алпатов, сравнивая лингвистические взгляды Ф. де Соссюра и М.М. Бахтина, отмечает, что понятие «речевой жанр» – инструмент, дающий возможность изучать и пытаться структурировать речь, которую ранее, идя вслед за швейцарским лингвистом, многие считали асистемной [Алпатов, 2016: 13]. По словам же Дементьева, развитие жанроведения невозможно без обстоятельного осмысления наследия М.М. Бахтина, и большинство фактических слабостей,

недочётов и противоречий многих современных исследований, по словам лингвиста, проистекает именно от недостаточного внимания к его работам [Дементьев, 2010: 36].

Дальнейшее развитие жанроведения описывает в своей обобщающей монографии В.В. Дементьев. Исследователь приходит к выводу, что после Бахтина теория речевых жанров менялась вместе с общей лингвистикой, однако на протяжении всего этого времени оставалась и остаётся чрезвычайно востребованной. С появлением и развитием новых научных направлений в теории речевых жанров открывались новые аспекты и грани [Дементьев, 2010: 17–18]. В конце 1970-х, когда выходит в свет «Проблема речевых жанров», изучение речи в советской науке, по мнению лингвиста, определялось коллоквиалистикой и теорией речевых актов Остина – Сёрля. Для науки о языке того времени был свойственен поиск базовой единицы, которая бы превосходила в формальном и содержательном отношении предложение и речевой акт, что отразилось, по мнению Дементьева, в статье польского лингвиста А. Вежбицкой «Речевые жанры», впервые опубликованной на польском языке в 1983 году [Там же: 20]. Обратившись к этой статье, необходимо упомянуть, что речь здесь идёт ещё не о жанроведении как таковом, но о теории речевых актов. А. Вежбицка предлагает заменить понятие речевого акта бахтинским понятием речевого жанра, так как оно, по словам А. Вежбицкой, более адекватно сути языка, отражает многообразность форм речевых жанров, в то время как понятие речевой акт содержит в себе значение непродолжительности, однократности; понятие речевого акта исключает из области исследования не только сложные жанры, но и иллокутивный компонент, который, по мысли Вежбицкой, чрезвычайно важен при анализе речевого жанра [Вежбицка, 1997]. Чтобы описать речевые жанры исследовательница предлагает сначала выделять их иллокутивную цель, а затем полностью раскладывать на все составляющие их мотивы, эмоции, позиции [Там же]. В этой же статье Вежбицка выделяет некоторые речевые жанры (подчёркивается, что речь идёт лишь о речевых жанрах польского

языка) стараясь эксплицировать их иллокутивную цель (похвала, жалоба, донос, анекдот, флирт и прочие) [Там же].

Стоит отметить, что, вопреки предположению Вежбицкой, понятие речевой жанр не вытеснило понятия речевой акт, они продолжают использоваться параллельно, так как обозначают явления разного порядка. М.В. Иркабаева в статье 2010 года, обобщая существующие в отечественной лингвистике точки зрения на эти понятия, пишет, что речевой акт многими признаётся структурным элементом речевого жанра, причём один речевой акт может быть включён в различные речевые жанры [Иркабаева, 2010: 640]. Об этом же упоминают В.И. Карасик и Л.С. Бейлинсон, также замечая, что теория речевых жанров не отменяет, а развивает теорию речевых актов. По мысли исследователей, жанроведение не только акцентирует внимание на структурно-функциональной природе коммуникативных поступков, как теория речевых актов, но также освещает культурные особенности речевого поведения [Карасик, Бейлинсон, 2010: 126].

Опираясь на понятие «речевой акт» К.Ф. Седов разграничивает жанр и иные связанные с ним формы. Так наименьшей единицей в типологии речевых жанров исследователь называет субжанр¹, который равен одному речевому акту. Жанр представляет собой более крупную единицу, «микрообряд ... вербальное оформление взаимодействия партнеров коммуникации». Жанр может содержать уже несколько сверхфразовых единств. Далее следуют гипержанры – макрообразования, которые объединяют в своём составе несколько жанров. Помимо этого, Седов вводит понятие «жанроид», под которым понимаются «переходные формы, которые осознаются говорящим как нормативные, но располагаются в межжанровом пространстве», т. е. имеют черты сразу нескольких жанров [Седов, 2007: 14–15]. Выстраивается следующая иерархия: субжанр – жанр/жанроид – гипержанр. С этой точки

¹Термин в современном жанроведении используется не всегда последовательно. Под субжанром некоторые исследователи понимают некоторую разновидность жанра, один из его вариантов [Колмогорова, 2012; Тенекова, 2016; Череванёва, 2017].

зрения этикетные речевые жанры на самом деле являются субжанрами, из которых строятся другие жанры (в нашем случае, жанр «духовное письмо»).

Концепция речевых жанров сближается с функциональной стилистикой. Так К.А. Долин пишет, что функциональные стили – «это не что иное, как обобщённые речевые жанры, т. е. речевые нормы построения определённых достаточно широких классов текстов, в которых воплощаются обобщённые социальные роли» [Долин, 1978: 60]. При описании функциональных стилей в современной лингвистике обыкновенно приводят и списки жанров, которые для этого стиля наиболее характерны [Кожина, 2008].

Не избежала теория речевых жанров и всеобщей когнитивизации и семантизации. По словам Дементьева, сейчас на первый план выходит содержательная сторона речевого жанра, а само понятие речевого жанра в некоторых исследованиях начинает пересекаться с понятием концепта [Дементьев, 2010: 21]. В данном случае показательно, что четвёртый выпуск знаменитого журнала Саратовского государственного университета «Жанры речи» имеет подзаголовок «Жанр и концепт» и посвящён проблеме взаимодействия этих понятий.

Кроме того, речевой жанр становится базовой единицей когнитивного анализа дискурса, изучения коммуникативной компетенции, национально-культурной картины мира, языковой личности, лингвокультурных типажей [Дементьев, 2010: 21].

1.2. Классификации речевых жанров

Первые подступы к классификации речевых жанров сделал ещё М.М. Бахтин, предлагавший выделять первичные (простые) и вторичные (сложные) жанры. Лингвист писал, что вторичные речевые жанры используются в культурном (более сложном, чем бытовое) общении (художественном, научном, общественно-политическом и др.). Первичные или простые жанры складываются естественным образом «в условиях

непосредственного общения», тогда как вторичные формируются путём «переработки» первичных жанров, трансформируя первичные жанры. К вторичным речевым жанрам исследователь относит романы, научные исследования, сложные публицистические жанры [Бахтин, 1979: 239], которые зачастую представляют собой «условное разыгрывание речевого общения» с использованием первичных жанров, что наиболее очевидно в рамках риторических, но характерно в той или иной степени для всех вторичных жанров [Там же: 250]. Дементьев справедливо замечает, что вторичным речевым жанрам оказывается родственным такое бахтинское понятие, как чужое слово. «Разыгрывая» речевое общение, автор текста во вторичном жанре пользуется чужими голосами, выстраивая из них своё собственное высказывание [Дементьев, 2010: 165]. И всё же, предлагая это разграничение, Бахтин отмечал, что различие между первичными и вторичными жанрами хотя и существенно, но не функционально [Бахтин, 1979: 238].

Лингвист предлагал ещё один критерий, могущий послужить основанием для классификации жанров: одни жанры обладают «высокой степенью устойчивости и принудительности», тогда как другие более свободные, поддаются «свободно-творческому переоформлению» [Там же: 257–258]. Однако насколько можно судить, классификаций жанров на таком основании пока в нашей науке нет.

В ходе дальнейшего развития жанроведения лингвисты приходят к мысли о первостепенной важности целевого критерия для разграничения групп жанров. Так Н.Д. Арутюнова, отмечая, что именно «целеориентированность» определяет жанры человеческого общения, предложила следующую классификацию: 1) информативный диалог; 2) прескриптивный диалог; 3) обмен мнениями с целью принятия решения или выяснения истины; 4) диалог, имеющий целью установление или регулирование межличностные отношения; 5) праздно-речевые жанры: а) эмоциональный, б) артистический, в) интеллектуальный [Арутюнова,

1992: 52–53]. Приводя такую классификацию, исследовательница всё же замечает, что в чистом виде эти жанры практически не встречаются, но их выявление базируется на следующих параметрах: цели (прямые/косвенные), степень запрограммированности ответных реакций, распределение ролей и коммуникативных интересов, структура, интенциональные состояния собеседников, условия успешности, развитие диалогических тактик, модальные характеристики [Там же: 53]. Так первый и второй диалоги имеют самые определённые программы и относительно микроструктур этих жанров можно выявлять специфику остальных жанров. Микроструктуру диалога-1 составляют вопросно-ответные пары, а диалога-2 – пара «прескрипция – обещание/отказ». Осуществляются они обыкновенно в интересах инициатора. При этом диалог-1 представляет собой обмен информацией, диалог-2 – деятельностное общение, диалог-3 – обмен мнениями, диалог-4 регулирует межличностные контакты, а диалог-5 оказывается свободным общением, которое реализует три аспекта личности (эмоциональный, эстетический и интеллектуальный) [Там же: 54–58].

Широкую известность приобрела классификация Т.В. Шмелёвой, также ориентированная в первую очередь на целевой параметр:

1) Информативные РЖ, которые используются для осуществления различных операций с информацией (подтверждение/опровержение, запрос, предъявление и т. д.).

2) Императивные РЖ, предназначенные вызывать поступок, событие.

3) Оценочные РЖ, нацеленные на изменение самочувствия участников общения путём соотнесения качеств, поступков с принятой в обществе шкалой ценностей.

4) Этикетные РЖ, которые представляют собой поступок или событие в социальной сфере, предусмотренные этикетом (извинения, благодарности, соболезнования и пр.) [Шмелёва, 1997].

Исследовательница отмечает, что различению речевых жанров случит множество разнообразных языковых средств: это не только определённый

подбор лексики, но и особые грамматические формы (например, императивы), интонационные показатели. [Там же].

Всё же, когда лингвисты обратились к конкретному речевому материалу, он оказался более сложным и не вписывающимся в «дедуктивные» (по выражению Дементьева) классификации [Дементьев, 2010: 155]. Как справедливо пишет Н.Б. Лебедева, при всяком «таксономическом» подходе, если каждый речевой жанр будут вписывать в общую систему, отталкиваясь от одного ведущего основания, учёные столкнутся с теми же трудностями, с которыми столкнулись при попытке создания «карты» лексико-семантических групп. Подобная установка (Лебедева называет её «философским структурализмом») приводит к несколько упрощённой трактовке явлений («слово либо обозначает данную вещь, либо нет»). Но как язык, так и прагматическая сфера коммуникации достаточно «капризны» и редко поддаются однозначным трактовкам [Лебедева, 2007: 116–117]. Созданию однозначной классификации также препятствует явление переакцентуации жанров, отмеченное ещё Бахтиным: «так, например, жанровую формулу приветствия из официальной сферы можно перенести в сферу фамильярного общения, то есть употребить с пародийно-иронической переакцентуацией, с аналогичной целью можно нарочито смешать жанры разных сфер» [Бахтин, 1979: 257–258].

Исходя из таких соображений, стали создаваться классификации «индуктивные», отталкивающиеся от непосредственно данных речевых явлений. Эти классификации разрабатываются под конкретный речевой материал и оказываются рабочими только по отношению к нему. В монографии «Речь москвичей: коммуникативно-культурный аспект» М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова, руководствуясь специально разработанными принципами вычленения жанров, классифицируют устную некодифицированную речь. Чтобы понять, к какому «жанровому блоку» относится тот или иной жанр, исследователи предлагают определять: 1) сферу коммуникации (дом/вне дома), 2) коммуникативные намерения

(нефатическое/фатическое общение), 3) коммуникативная активность (монолог/диалог), 4) цели коммуникации (на этом этапе выделяются жанры фатического, информативного, апеллятивного, прескриптивного, поэтического и метатекстового характера). При дальнейшем членении подключаются иные характеристики, среди которых время, место, тема и пр. [Китайгородская, Розанова, 1999: 34–35]. Исходя из этих характеристик, исследователи приходят к выводу, что интересующие нас этикетные речевые жанры (перечисляются такие жанры как приветствие, прощание, извинение, благодарность, комплимент, приглашение, угощение) относятся к фатическим диалогам [Там же: 262].

Над разработкой типологии жанров естественной письменной речи работают учёные Лаборатории русской речи Барнаульского государственного педагогического университета под руководством Н.Б. Лебедевой. Для выделения отдельных жанров разработана следующая модель: 1) Автор (кто?); 2) Адресат (кому?); 3) Диктумно-модусное содержание (что?); 5) Субстрат – Материальный носитель знака (на чем?); 6) Место расположения Знака – Носитель субстрата (в чем? на чем?) [Лебедева, 2001: 7]. В связи с высокой неоднородностью изучаемого материала типология как таковая находится пока в стадии разработки. Жанры подаются в «списочном» порядке: *объявление, открытка, письмо, записка, компьютерная переписка «чат» рукописная родословная, «последняя обложка тетрадей», спонтанно-рефлекторные записи, детские «каракули»* и ещё целый ряд жанров. Некоторые жанры предлагается делить на подтипы. Так исследовательница различает поздравления в форме коллажа, альбома, рукописных открыток, надписей на подарочных вещах и фотографиях [Там же: 6].

Интересную классификацию на основании социальных ролей коммуникантов предложил Л.П. Крысин. Обращая внимание читателей на то, что одним из первых о возможности интерпретации жанрового разнообразия речи с помощью теории социальных ролей писал К.А. Долин (до него на

связь жанров с общественным поведением указывал Бахтин), Крысин распределил речевые жанры на три группы:

1.1) Социальная роль говорящего выше, чем роль адресата или адресат зависим от говорящего (приказ, выговор, наставление, нагоняй и пр.).

1.2) Социальная роль говорящего ниже, чем роль адресата или говорящий зависим от адресата (жалоба, просьба, покаяние, донос, письменное обращение в суд и пр.).

1.3) Социальные роли говорящего и адресата равны (дипломатические переговоры, научная дискуссия, дружеская беседа, общение покупателя и продавца, пассажиров в купе поезда и пр.) [Крысин, 2015: 49–53].

Первые две группы жанров, отражающих неравные отношения между коммуникантами, Крысин называет ассиметричными, а группу жанров, применяющихся при равных отношениях, – симметричными [Там же: 52]. Исследователь пишет, что в приводимую типологию укладываются далеко не все жанры русской речи. К примеру, жанр упрёка возможен как при ассиметричных, так и при симметричных отношениях [Там же: 53]. С такой позиции можно классифицировать и часть жанров православного социолекта. Очевидно, что для произнесения благословения, необходимо либо обладать особым статусом (благословляют обыкновенно священники своих прихожан), либо находится в особых отношениях с адресатом (родители могут благословить своих детей, тогда как обратного практически не бывает).

Появляются также типологии, которые концентрируют своё внимание на отдельных участках жанровой системы, исходя из сферы употребления. Учёные предлагают классификации жанров журналистского дискурса [Дускаева, 2014], педагогического дискурса [Ворфоломеева, 2015], медицинского дискурса [Пономаренко, 2015], жанры электронной коммуникации [Макаров 2005] комических речевых жанров в Интернете [Щурина, 2014], этикетных речевых жанров [Тарасенко, 1999].

Таким образом, единой классификации речевых жанров пока нет.

Исследователь должен выбирать для себя наиболее подходящую типологию, согласуясь с задачами исследования. В данном случае наиболее продуктивным кажется обращение к классификации Н.Б. Лебедевой, с точки зрения которой духовное письмо (как и любой эпистолярный текст, если он не является частью художественного произведения) относится к естественной письменной речи. Другой ценной для этой работы типологией становится классификация Т.В. Шмелёвой, исходя из которой этикетные жанры противопоставлены информативным и императивным. Однако стоит отметить, что некорректно противопоставлять этикетные и оценочные жанры (что предполагает данная классификация), потому что практически все этикетные жанры содержат оценку себя и адресата, а такие жанры как извинение, благодарность, поздравление, соболезнование помимо социальной оценки всегда содержат также и оценку ситуации.

1. 3. История и особенности эпистолярных жанров

Традиция создания писем известна ещё с античности. Уже с тех пор можно говорить о письме как отдельном жанре, ведь «писание писем подчинялось четким стилистическим нормам, разработанным риторикой» [Миллер, 1967: 5], то есть имело особые жанровые каноны. Как пишет Т.А. Миллер, риторика разработала ряд «схематических» требований к письму. Эти требования можно увидеть в трактате «О слоге»², отрывок из которого приводится в статье Миллер. Помимо прочего, находим следующие мысли: *«Размер письма должен быть сжатым так же, как и стиль. Ведь слишком длинные и напыщенные письма по-настоящему должны бы называться не письмами, а статьями, к которым только приписано здравствуй! <...> И синтаксис должен быть более свободным. Ведь смешно употреблять периоды, как будто пишется не письмо, а судебная речь. <...>*

²По словам Миллер, существует две точки зрения на его датировку: III в. до н. э. или I в. н. э. [Миллер, 1967: 6–7].

Нужно знать, что для писем существует не только свой стиль, но и свой предмет речи. <...> Письмо – это выражение дружбы, сжато говорящее о простом деле и простыми словами. <...> Поскольку мы иногда пишем и к городам и к царям, то пусть такие письма будут немного длиннее. Нужно учитывать и то, кому пишется письмо» [Там же: 6–8]. Как видно из приведённых отрывков, уже тогда существовали особые правила языкового оформления письма, у письма был свой «предмет речи», а те или иные особенности письма подчинялись ориентации на адресата.

Этикетное оформление эпистолярных текстов также было весьма разработано. Начало и конец письма, как пишет Миллер, обыкновенно оформлялись по трафарету: «письмо начинается с имени автора, затем стоит имя адресата, потом уже приветствие (радуйся!), осведомление о здоровье и благополучии. Заканчивается письмо поклонами и пожеланием счастья и здоровья» [Там же: 9]. Приводится типичный образец писем подобного рода:

«Поликрат своему отцу желает радоваться. Хорошо, если ты здоров, и все прочие дела идут по твоему усмотрению; здоровы также и мы. <...> Пиши и ты нам, чтобы мы знали, как твои дела, и не тревожились. Заботься и о себе самом, чтобы быть тебе здоровому и благополучно прийти к нам. Будь счастлив» [Там же]. Как будет видно из третьей главы настоящей работы, этикет духовных писем формально во многом схож с описываемым здесь, хотя и прослеживается некоторая ценностная переориентация.

Несмотря на вариативность формул, они были достаточно устойчивыми, что позволяло создавать письмовники. Письма разделялись на типы и для каждого типа существовал трафарет [Там же: 9–10]. В письмовнике «Типы писем» (источники возводят приблизительно ко II в. до н. э.), который предназначен для канцелярских писцов, письма разбиваются на 21 категорию, а также приводятся описания и образцы каждого типа. Неизвестный автор указывает и основание классификации: *«своё название каждый тип получает в зависимости от основной мысли письма: 1.*

дружеский, 2. рекомендательный, 3. пренебрежительный, 4. упрекающий, 5. решительный, 6. порицательный, 7. вразумляющий, 8. угрожающий, 9. хулительный, 10. хвалебный, 11. совещательный, 12. просительный, 13. вопросительный, 14. ответный, 15. иносказательный, 16. объяснительный, 17. обвинительный, 18. защитительный, 19. поздравительный, 20. иронический, 21. благодарственный» [Там же: 10]. Позднее римский писатель Цицерон вводит тройную классификацию: 1) по тону (интимные и предназначенные для публичных чтений); 2) по отношению автора письма к адресату (официальные и личные); 3) по содержанию (простые уведомления, дружеские, шуточные, строгие, серьёзные, грустные) [Там же: 16]. Деление писем на официальные и личные признаётся и современной филологической наукой [Протопопова, 2011: 627].

В статье «Феномен духовного письма» В.В. Каширина отмечает, что Древняя Русь, оказавшаяся наследницей духовного опыта Византии, восприняла именно греческую эпистолярную культуру и, прежде всего, христианскую духовную эпистолярную традицию. По словам исследовательницы, ещё на заре письменной культуры Руси большую популярность приобрели сочинения Феодора Студита, Иоанна Златоуста и других авторов, оставивших значительное эпистолярное наследие. Входящие в состав Евангелия Апостольские послания тоже составлены в жанре письма [Каширина, 2007: 73]. Главным назначением подобных писем, по мысли Т.М. Григорьевой, были увещание, поучение и проповедь [Григорьева, 2015: 39]. Григорьева упоминает ещё об одном своеобразном жанре древнерусской эпистолярной культуры. Берестяные грамоты, «представляющие жизнь средневекового человека», по словам Григорьевой, составлялись с соблюдением формальных признаков письма: указание адресанта и адресата, формулы приветствия и прощания [Там же].

Первые русские письмовники появляются ещё в допетровскую эпоху. Т.М. Григорьева обращает внимание на интересную особенность вышедшей в 1708 году по повелению Петра I книги «Приклады како пишутся

комплименты разные на немецком языке, то есть писания от патентатов к патентатам поздравительные и сожальительные, также между сродников и приятелей». Помимо прочего, «Приклады» впервые ввели обращение к адресату на «Вы». Книга была переведена с немецкого и вносила ещё ряд особенностей европейского эпистолярного этикета на русскую почву [Там же: 40]. Жанр дружеского письма, по словам исследовательницы, получил распространение в России только со второй половины XVIII века [Там же].

Сейчас также существует множество разновидностей текстов эпистолярных жанров: официальное письмо, дружеское письмо, письмо-поздравление, письмо-соболезнование и др. Е.М. Виноградова отмечает, что в данном случае мы имеем дело не с одним эпистолярным жанром, а с объединением речевых жанров на основе структурной общности, поэтому эпистолярные жанры исследовательница предлагает считать особой «квазижанровой системой» [Виноградова, 1991: 6]. В своей кандидатской диссертации Виноградова выделяет ряд признаков, свойственных всем эпистолярным жанрам:

- 1) Письменная форма речи.
- 2) Адресованность, проявляющаяся в отборе речевых актов (вопросы, императивы, комиссивы, этикетные речевые акты), использовании обращения, формы второго лица, особом содержании.
- 3) Пространственная и/или временная разделённость коммуникантов, которая совмещается со стремлением преодолеть эту дистанцию, создать иллюзию непосредственного общения, что реализуется при помощи обрисовки ситуации написания письма или вероятной ситуации получения/прочтения, используются знаки непосредственного выражения эмоций, предвосхищаются реакции собеседника³.
- 4) Полифункциональный характер, обуславливающий включение в

3 Подобные особенности эпистолярного текста ярко иллюстрируют ситуацию условного разыгрывания речевого общения, о которой писал Бахтин в связи с вторичными речевыми жанрами [Бахтин, 1979: 250].

один текст разнородных речевых актов в свободной последовательности.

5) Цель эпистолярных жанров – многоаспектное межличностное взаимодействие коммуникантов, проявляющееся в тематическом многообразии письма и во вхождении «объекта коммуникации в сферу личных интересов адресанта и/или адресата» [Там же: 8–10].

Также Виноградова пишет, что каждое отдельное письмо в подавляющем большинстве случаев является фрагментом «эпистолярной интеракции» – особого дискурса, на основе которого формируются переписка, собрания писем, тематические подборки, архивы [Там же: 11].

В «Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка» эпистолярным жанрам приписываются следующие характеристики:

- сочетание в текстах признаков монологической и диалогической речи;
- использование языковых средств, соответствующих сфере переписки; книжно-письменных в деловых и устно-разговорных в частных письмах;
- устойчивая композиция текста: более жесткая в официальных и более свободная в частных письмах;
- точное обозначение отправителя и получателя, обращение к последнему и подпись отправителя;
- соблюдение речевого этикета с учётом фактора адресата, характера сообщения и национальных эпистолярных традиций» [Протопопова, 2011: 627–628]. Соотнося эти характеристики с особенностями, описанными Виноградовой, можно заметить, что диалогическая речь связана с адресованностью и стремлением преодолеть пространственно-временную дистанцию.

Эпистолярную «квазижанровую систему» Виноградова классифицирует следующим образом:

- 1) Собственно письма: частные (стандартизованные и нестандартные), частные деловые, официальные.
- 2) Письма в литературе:
 - а) литературные письма (открытые письма, частные письма с

литературным приложением, частные письма с литературным содержанием, издательская публикация писем, авторская обработка писем для публикации, дружеское литературное письмо);

б) квазиписьма (эпистолярные инклюзивы и эпистолярные литературные макроструктуры) [Виноградова, 1991: 12–13].

1. 4. Жанр «духовное письмо»

Как уже отмечалось, русское духовное письмо в XI–XII веках унаследовало традиции раннехристианских писем и более поздней византийской традиции. По словам А.Н. Смолиной, послания апостолов Иоанна Богослова, Петра, Павла, Варнавы – это первые христианские эпистолярные тексты; в дальнейшем большое влияние на становление духовной эпистолярной культуры имели труды раннехристианских писателей, отцов церкви [Смолина, 2016а: 384–385].

В.В. Каширина пишет, что, будучи генетически преемственным по отношению к древнерусской словесности, жанр духовного письма всё же испытывал на себе влияние более современных литературных традиций. Так замечательным примером духовных писем Каширина называет «Выбранные места из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя. Писатель, по мнению исследовательницы, сумел соединить светскую и духовную эпистолярные традиции: «от дружеского письма здесь осталось яркость, искрометность, разнообразие тем, от духовной – напряженная работа мысли, внутренний самоанализ и исповедальный характер произведения» [Каширина, 2007: 75]. Чтобы частное письмо стало явлением литературы, оно должно быть посвящено не сиюминутным бытовым вопросам (или не только им), а серьёзным мировоззренческим проблемам. Такие письма становятся текстами, на материале которых можно изучать целую эпоху мысли [Там же: 73]. Однако, прежде всего, как справедливо замечает Каширина, духовное письмо характерно не для литературной, а для духовной среды. В частности,

существует богатейшее наследие Оптиной пустыни, на материале которого исследовательница и рассказывает о традициях и особенностях духовного письма. Отмечается, что с самого начала духовные письма воспринимались не как частные, а как послания, содержащие «общее для всех духовное назидание». Нередко, это единственное письменное свидетельство, которое известные старцы оставляли потомкам. [Там же: 75]. Поэтому, как пишет Каширина, собрание писем оказывается уникальным памятником духовной мысли, отражением духовных исканий своей эпохи [Там же]. Об этом же говорит и А.Н. Смолина, отмечая, что для всех духовных писем характерно в первую очередь особое ценностно-духовное содержание: «главные духовные ценности, к которым церковные писатели обращают читателя – это вера в Бога, любовь к Богу, познание Бога, Заповеди Божьи, мир и согласие, надежда, христианская любовь к ближнему, смирение, терпение и добро» [Смолина, 2016а: 385]. Церковные писатели напоминают своим адресатам о высших человеческих ценностях, дают ориентиры, необходимые христианину в его повседневной жизни. Также отмечается, что всем православным писателям присуще теоцентрическое мировоззрение: «именно теоцентризм является, с одной стороны, определяющим началом формирования стиля и жанров духовной словесности, с другой стороны – индивидуальных авторских стилей представителей русского духовенства» [Смолина, 2015: 327]. Проанализировав письма некоторых русских церковных писателей, а также обратившись к раннехристианским, византийским и древнерусским эпистолярным текстам, Смолина делает следующий вывод: «для церковных писателей несомненным является то, что Бог – создатель мира, его объединяющее начало и источник жизни, а смысл жизни – в пути к Богу, познании Божественных Истин. Цель жизни христианина <...> в движении к совершенству Христа, стяжании христианских добродетелей, в спасении души, в чем помогает вера в Божью помощь и исполнение Евангельских Заповедей» [Смолина, 2015: 385].

В большинстве случаев, по словам В.В. Кашириной, обращены

подобные письма от духовного наставника к ученику, причём сами старцы рассматривали написание писем как часть пасторского служения, поэтому основная цель письма «духовно-нравственная» [Каширина, 2007: 76; Смолина, 2016а: 385]. Старцы стараются дать совет, рассказать о пути к христианскому спасению и совершенствованию.

Цели, тематика и содержания отличают духовное письмо от других частных писем. К примеру, А.В. Курьянович, исследовав жанрово-стилистические особенности русского эпистолярного дискурса носителей элитарного типа речевой культуры XX–XXI веков, пришла к выводу, что для эпистолярных текстов этого периода характерны: 1) информативно-оценочный характер, 2) выдвижение в качестве ключевой темы осмысления творцом своей роли в социуме и мире в контексте исторической, экзистенциальной и эсхатологической проблематики, 3) преобладание частного письма [Курьянович, 2013: 14].

Говоря о композиции духовных писем, А.Н. Смолина отмечает, что их структура не отличается особой жёсткостью, однако ряд элементов встречается практически во всех текстах. Начинается письмо с зачина, который обыкновенно содержит приветствие и обращения, после чего следует благопожелание. Далее идёт основная часть, посвящённая ответам на вопросы, «касающиеся веры в Бога, стяжания христианских добродетелей и удаления от греха». После этого часто подводится итог рассуждениям, читатель призывается к соразмыслению. Вместо привычных формул прощания, концовку часто составляют благопожелания [Смолина, 2016а: 386].

Смолина приходит к выводу, что языковые особенности духовных писем связаны с их вероучительной направленностью. Авторы духовных писем часто обращаются к православной лексике, к цитатам из Евангелия и святоотеческой литературы, к аллюзиям на библейские события, такие письма отличаются риторичностью. Часто они строятся как доказательство определённого тезиса, а также содержат тропы (аллегии, сравнения,

метафоры, эпитеты) и фигуры (вопросно-ответные конструкции, апозиопезис, повтор). Все они необходимы для построения духовного диалога с читателем, для выражения своего видения мира и ситуаций [Смолина, 2016с: 388–389]. В.В. Каширина формулирует ещё одну языковую особенность духовных писем, опираясь на наставления самих старцев, советовавших не писать лишнего, а постараться выделить самое важное. По мнению исследовательницы, духовное письмо стремится к лаконичности, к краткому, сжатому изложению основных вопросов, отобранных из множества возможных [Каширина, 2007: 75–79].

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

Речевые жанры – относительно устойчивые типы высказываний, обладающие сходным тематическим содержанием, стилем и композиционным построением. Любое высказывание возможно классифицировать как текст в некотором жанре. Каждой сфере жизни человека соответствует определённый набор речевых жанров. Целое высказывание организует в первую очередь замысел говорящего. Жанроведение, изменяясь вместе с общим языкознанием, до сих пор остаётся актуальным.

Проблема общей классификации речевых жанров ещё не решена современной лингвистикой. Первые подступы к классификации содержатся в статье Бахтина, предлагавшего деление на первичные и вторичные жанры. На следующем этапе господствовал целевой критерий, что привело к созданию стройных, но мало применимых для изучения конкретного материала, классификаций. Современная лингвистика находится в процессе создания «индуктивных» классификаций, отталкивающихся от непосредственно данных речевых явлений.

Эпистолярные жанры существовали и осмыслились уже в античности. Русская эпистолярная культура развивается во многом под влиянием

раннехристианского и византийского эпистолярия. Несмотря на то, что существует немало разновидностей эпистолярных текстов, всем им присущи общие черты: письменная форма, временная и пространственная разделённость коммуникантов, адресованность, соединение разнородных речевых актов, соблюдение эпистолярного этикета.

Жанр русского духовного письма, воспринимая традиции древнерусской словесности, испытывал на себе и более современные литературные влияния. Для духовных писем характерно особое ценностно-духовное содержание, они отражают теоцентрическое мировоззрение авторов. Написанные старцами к духовным ученикам, эти письма посвящаются серьёзным мировоззренческим вопросам, поэтому интересны широкому кругу читателей. Цели духовных писем «духовно-нравственные». Старцы стремятся наставить учеников на стезю добродетели, указать им путь к христианскому спасению, помочь преодолевать препятствия на этом пути.

ГЛАВА 2. ЭТИКЕТНЫЕ РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ КАК ЧАСТЬ ПРАВОСЛАВНОГО РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА

2.1. Понятие речевого этикета

В монографии «У истоков этикета» А.К. Байбури и А.Л. Топорков, описывают ряд важнейших особенностей, которые свойственны этикету в целом. Этикетная ситуация, по словам исследователей, диалогична, и этикет – всегда диалог, в котором коммуникативные роли участников общения взаимно обусловлены половозрастными социальными ролями. Исследователи называют следующие признаки, дифференцирующие коммуникативные статусы партнёров: пол, возраст, общественное положение, национальная и конфессиональная принадлежность, родственные связи или их отсутствие, степень знакомства [Байбури, Топорков, 1990: 6–7].

Любой этикет, по словам исследователей, представляет собой семиотическую систему, которая имеет свой словарь (набор символов) и грамматику (правила сочетания знаков и построения текстов). Байбури и Топорков делают интересное замечание: этикетные знаки вступают между собой, как и языковые знаки, в отношения парадигматические и синтагматические, т. е. зачастую человек имеет возможность выбрать один знак из целой совокупности элементов приемлемых в данной ситуации, однако выбор одного из знаков с большей или меньшей степенью обязательности влияет последующие знаки. Кроме того, проводя аналогию с языком и речью, исследователи отмечают, что есть идеальная система этикетных знаков (язык) и всё множество их употреблений (речь) [Там же: 7–10].

Далее Байбури и Топорков останавливают внимание на связи этикета и системы ценностей. Существует набор универсальных общечеловеческих ценностей, которые практически всегда отражены в этикете. Это

почтительное отношение к старшим, родителям и женщинам, гостеприимство, честь, достоинство, скромность, благожелательность. Однако иерархия ценностей различается от культуры к культуре, и именно эта иерархия, по мнению исследователей, значительно влияет на этикетные особенности народа [Там же: 10–13].

Этикет также связан в определённой степени с игрой и с ритуалом. «Искусство общения», как справедливо замечают учёные, в современном мире заключается не в точном следовании заданной норме, а скорее в умении творчески обыгрывать нормы, которые становятся всё более мобильными (хотя и до сих пор существует значительный пласт норм этикета, предполагающих обязательное автоматическое исполнение) [Там же:15]. На связь этикета с ритуалом обращает внимание и В.И. Карасик, который рассматривает этикет как часть ритуального дискурса, однако он же показывает их различия. Ритуальное действие, по словам лингвиста, это поступок символически нагруженный, «подтверждающий соответствие ритуальной ситуации её сакральному образцу», тогда как этикетное действие – это действие фатическое, оно не имеет столь высокой смысловой нагрузки и служит в первую очередь поддержанию доброжелательной тональности отношений [Карасик, 2002: 275].

Наконец, исследователи акцентируют внимание на важности точки зрения при оценке этикета: изнутри он практически всегда оценивается положительно в связи с системой ценностей, а с позиции иной культуры воспринимаются лишь внешние его проявления. Научное изучение этикета должно совмещать обе точки зрения, тогда внутренняя позволит выявить этические, нравственные, религиозные, социальные и иные основания этикета, а внешняя (сравнение, привлечение материалов иных культур) поможет выявить условность этих поведенческих стереотипов [Байбурин, Топорков, 1990: 13–14].

Таким образом, этикет является особой национально специфической

семиотической системой, отражающей иерархию ценностей народа и имеющей отчасти ритуальный и игровой характер.

Одна из важнейших составляющих этикета – это речевой этикет, который Н.И. Формановская определяет следующим образом: «социально заданная и национально специфичная система коммуникативных стереотипов, устойчивых выражений, служащих для установления, поддержания и размыкания контакта общающихся в соответствии с их статусом, психологическими и социальными ролями, ролевыми и личными отношениями в официальной и неофициальной обстановке общения». [Формановская, 2014: 545].

Исследователи отмечают типичность, стандартность речевого этикета. Н.И. Формановская называет единицами этикета «устойчивые формулы общения» [Там же: 7], В.И. Карасик пишет об идиоматичности этикета, о его формульности [Карасик, 2002: 92]. Именно на этих «узуально закреплённых стереотипах», как демонстрируют лингвисты, в большей мере строится речевое общение. Возникают подобные стереотипы для обслуживания определённого набора типичных и частотных ситуаций. Поэтому исследование устойчивых формул общения неизбежно оказывается сопряжено с изучением повторяющихся ситуаций [Формановская, 1982: 7; Тарасенко, 1999: 6]. Рассматривая особенности речевой ситуации, Формановская предлагает выделять следующие компоненты ситуации речевого этикета: адресант – адресат – место – время – мотив – цель, тема, официальность/неофициальность обстановки общения, характер взаимоотношений общающихся в связи с их социальными ролями⁴ [Формановская, 1982: 18–22].

⁴Нетрудно заметить, что эти признаки, а также приведённое выше определение единиц этикета соотносимы с признаками речевого жанра как некой устойчивой модели оформления высказывания, которая включает в себя образы автора и адресата, коммуникативную цель, образы прошлого и будущего, речевое оформление.

В.И. Карасик замечает, что этикетные ситуации тяготеют к точности, которая ведёт к конкретизации участников (актантов) подобных ситуаций. Выбор определённой этикетной формулы из списка возможных устанавливает границы коммуникативной дистанции, маркирует участников как представителей определённых социальных групп, помогает поддерживать традиционные формы межличностных отношений [Карасик, 2002: 90–94]. На это же обращает внимание Н.И. Формановская, которая пишет, что этикет отражает «существенные для данного общества моральные и этические нормы, связанные как со статусными и ролевыми признаками общающихся, так и с их социально значимыми биологическими признаками (мужчина – женщина, старый – молодой)» [Формановская, 2002: 180].

Речевой этикет имеет ряд особых функций. Формановская выделяет, прежде всего, контактоустанавливающую функцию. Эту функцию выполняют даже формулы прощания, которые значат, по словам лингвиста, следующее: «прервать контакт на время, установить возможность дальнейшего общения по истечении срока разлуки» [Формановская, 1982: 13]. Второй функцией называется ориентация на адресата, связанная с понятием вежливости. Русская грамматическая система не содержит категории вежливости, поэтому проявлению вежливости в общении служат стандартные формулы приветствия, прощания, извинения, благодарности, поздравления, а также специальные актуализаторы вежливости (*пожалуйста, будьте любезны, будьте добры и др.*). Следующие называется также регулирующая функция (выбор определённой формулы или значимое её отсутствие регулирует характер отношений адресанта и адресата). Последней упоминается эмоционально-модальная или эмотивная функция, то есть выражение эмоций говорящего [Формановская, 1982: 14–15]. В более поздних работах, опираясь на терминологию американского психолога Э. Бёрна, Формановская демонстрирует, что именно с помощью формул речевого этикета коммуниканты совершают так называемые социальные «поглаживания», т. е.

оказывают друг другу те привычные и воспринимающиеся как естественные знаки внимания, отсутствие которых может быть воспринято болезненно. [Формановская, 2010: 184–185]. Там, где речевые ритуалы социально заданы, их игнорирование может разрушать благоприятную и доброжелательную обстановку общения.

2.2. Общая характеристика этикетных речевых жанров: цель, концепции автора и адресата, событийное содержание, языковое воплощение

Т.В. Тарасенко предлагает следующее определение этикетных речевых жанров: «закреплённые (устойчивые) языковые реакции на стандартные ситуации общения, коммуникативная цель которых – установление, поддержание и прерывание общения между участниками общения в соответствии с принятыми в обществе традициями и нормами речевого этикета» [Тарасенко, 1999: 4].

В своей диссертации исследовательница рассматривает признаки этикетных речевых жанров. Как цель их использования при общении между незнакомыми и малознакомыми людьми называется желание показать себя вежливым членом данного языкового коллектива. В общении между хорошо знакомыми предлагают различать собственные цели для каждого жанра. Так поздравление нацелено на улучшение эмоционального состояния адресата и усиление позитивности события, соболезнование имеет целью смягчить отрицательные эмоции адресата, благодарят, чтобы показать, что положительное действие адресата не осталось незамеченным, а извиняются, чтобы уменьшить или устранить отрицательные эмоции адресата, в которых виноват говорящий [Там же: 5–6]. Тарасенко акцентирует внимание на тех обстоятельствах, без учёта которых не могут быть достигнуты цели рассматриваемых жанров: 1) соответствие общепринятому «сценарию»; 2) соответствие статусов участников коммуникации совершаемому речевому

действию; 3) правильность исполнения; 4) полнота исполнения; 5) наличие у говорящего подлинных намерений использовать именно этот речевой жанр; б) наличие у говорящего подлинных намерений вести себя соответствующим образом. Тарасенко считает, что нарушение условий 1 и 2 приводит к коммуникативной неудаче, нарушение условий 3 и 4 приравнивается к невыполнению речевого действия, а несоблюдение условий 5 и 6 делает речевое действие «пустым», то есть формальным. Полный отказ использовать этикетные речевые жанры, когда того требует ситуация, считается демонстрацией неуважения к собеседнику [Там же: 6].

Спецификой этикетных речевых жанров называется в описываемой работе следующая особенность: реакция адресата не обязательно должна быть речевой, но в обязательном порядке должна последовать. Возможности коммуникантов в подобных ситуациях ограничены и запрограммированы правилами и нормами этикета данного социума, незнание и несоблюдение которых маркирует чуждость, оппозицию «свой — чужой» [Там же].

Тарасенко демонстрирует, что концепции автора и адресата – важнейшие жанрообразующие факторы в случае этикетных жанров. Они являются «социальными знаками собеседников» и элементами некоторых «сценариев», в которых роли партнёров-собеседников чётко заданы [Там же: 7]. Кроме образа автора и образа адресата, этикетные жанры отражают: 1) локализацию речи на оси «я — здесь — сейчас»; 2) модальность, выражающую знания, волю, чувства говорящего по отношению к тому, что сообщается; 3) оценку (соответствие высказываемого нормам, существующим в представлении говорящего); 4) эмотивность; 5) дистантность. Особое внимание Тарасенко уделяет оценочному компоненту этикетных жанров. Само этикетное действие, как пишет исследовательница, никогда не подвергается оценке, зато практически всегда в этих жанрах присутствует оценка участников коммуникации (особо это отражается в выборе обращения) и событие-повод [Там же: 6]. Интересно,

что оценке, по мнению исследовательницы, может подвергаться также и избранная форма воплощения этикетного жанра, что будет проявляться в мимике, жестах, тоне и пр. [Там же].

Событийное содержание этикетных жанров Тарасенко определяет как ситуации, которые очерчиваются прагматическими координатами «я – ты – здесь – сейчас». Отмечается важность коммуникативного прошлого: этикетные речевые действия (исключая приветствие и прощание) – это реакции на события в сфере адресата или адресанта [Там же: 8]. Коммуникативное будущее, по словам исследовательницы, связано с изменением эмоционального состояния адресата и последующим речевым действием [Там же: 9].

Специфику языкового оформления этикетных жанров связывают, в первую очередь, с перформативами. Этим термином обозначают «высказывания, представляющие собой речевые поступки» [Шмелёва, 2014: 539]. Показательно, что в словарной статье о перформативах Т.В. Шмелёвой как примеры перформативов приведены приветствие, извинение, благодарность, то есть разновидности этикетных речевых жанров [Там же].

По мнению Т.В. Тарасенко, первым к перформативам привлёк внимание Э. Бенвенист в работе «Делокутивные глаголы» [Тарасенко, 1999: 8]. Французский лингвист предлагал с точки зрения словообразования выделять особую группу глаголов, которые он назвал «делокутивные» («отфразовые»), т. е. глаголы, которые «произведены от фраз» [Бенвенист, 1974: 320]. В статье рассматриваются формулы приветствия, благодарности и другие делокутивы из различных индоевропейских языков (как один из примеров – русское *спасибо*, являющееся, как известно, производным от словосочетания *Спаси Бог*). По мысли Бенвениста, появление подобных глаголов «связано с частотой употребления и важностью прегнантных формул некоторых типах культур» [Там же: 322]. В разных языках, как отмечается далее, даже при схожих начальных лексических ситуациях,

деривации происходят по-разному. То же, что образуются эти глаголы «от речевого выражения, а не от другого знака языка» приводит, по словам исследователя, к тому, что означают они чаще всего речевые действия [Там же: 328]. Таким образом, выделенные лингвистом особенности глаголов, которые он называет делокутивными, пересекаются с особенностями этикетных формул: частая воспроизводимость, предельная смысловая свёрнутость, особость для каждого языка (т. е. для каждой культуры).

Подробно исследовал такие глаголы и ввёл термин перформативы Дж. Остин в работе «Слово как действие⁵». Демонстрируя несостоятельность привычного представления, что говорить – значит что-то утверждать, британский исследователь приводит высказывания, которые «ничего не “описывают”, не “сообщают”, не “констатируют”, не являются “истинными или ложными”» а вместо этого «высказывание такого предложения является осуществлением действия или его части, которое не может быть естественным образом описано как говорение» [Остин, 1986: 26]. Среди примеров таких высказываний: «Да (т. е. я согласен взять эту женщину в жёны)», или «Нарекаю судно “Королева Елизавета”». Однако Остин предостерегает от мыслей вроде «Вступить в брак – значит произнести несколько слов», обращая внимание читателя на «очевидные», по его словам, условия, без которых произнесённое высказывание не может стать действием. Во-первых, в данном обществе должна быть принята некая конвенциональная процедура, согласно которой произнесение определённых слов приводит к определённому результату; во-вторых, лица и обстоятельства должны быть пригодны для данной процедуры; в-третьих, процедура должна выполняться верно и полностью всеми участниками, и, наконец, если процедура подразумевает ряд последующих действий участников, то они должны вести себя соответственно. Подчёркивается, что перформативное высказывание не может быть уместным при нарушении одного или нескольких из этих правил

5 Лекции, прочитанные Остином в 1955 году в Гарвардском университете.

[Там же: 32–33].

2. 3. Некоторые этикетные особенности языка православных верующих

Прежде чем говорить об особенностях этикета, важно определить, что понимается под языком православных верующих. Вопрос о его лингвистическом статусе в современной науке ещё не вполне определён. Ряд учёных [Крысин, 1996; Кожина, 2008; Гольберг, 2002; Ицкович, 2016; Крылова, 2000], предлагают считать его особым функциональным стилем, причём обозначая его разными терминами, из которых наиболее употребим термин церковно-религиозный стиль, но наряду с ним встречаются также термины религиозно-проповеднический стиль [Крысин, 1996; Гольберг, 2002], религиозный стиль [Ицкович, 2016], богослужебный или конфессиональный стиль [Велижанина, Филатова, 2013]. А.И. Изотов отмечает, что термин церковно-религиозный стиль наиболее удачен, потому что не сужает сферу употребления, как термин религиозно-проповеднический, и вместе с тем очерчивает сферу функционирования, исключая нехристианские религии (церковью называют только христианские религиозные сообщества) [Изотов, 2017: 101]. Однако даже этот термин кажется не абсолютно точным, так как группа людей, называющих себя приверженцами христианской веры, в современной России достаточно широка: это не только воцерковлённые православные, но и католики (а также представители некоторых сект). Рассматривать языки этих групп как единое явление было бы не вполне продуктивно хотя бы исходя из того соображения, что воцерковлённые православные постоянно читают или слышат тексты на церковно-славянском языке, а значит он оказывает значительное влияние на их собственную речь, чего не происходит с представителями иных христианских конфессий. Таким образом, если пользоваться термином церковно-религиозный функциональный стиль,

необходимо каждый раз уточнять, о чём именно идёт речь.

Другие учёные пользуются термином религиозный дискурс. В.И. Карасик пишет, что «место религиозного дискурса семиотически распределено и закреплено тысячелетней практикой богослужений» [Карасик, 2002: 223]. Независимо от Карасика, Е.В. Бобырева также обращается к термину религиозный дискурс, понимая его несколько шире. В своей докторской диссертации она очерчивает границы религиозного дискурса следующим образом: а) общение в церкви (высокая клишированность, ритуализированность, чёткое разграничение ролей); б) общение в малых религиозных группах (не скреплено ритуалом и нормами); в) общение человека с Богом [Бобырева, 2007: 5]. Однако эта классификация не совсем точно описывает современную ситуацию, так как сейчас «религиозный дискурс» затрагивает также массовую коммуникацию (публикуемые в Интернете обращения патриарха и епископов, выступления церковных деятелей на телевидении, различные программы на религиозных телеканалах «Союз» и «Спас»). В самой же диссертации термин используется достаточно широко. К примеру, как часть религиозного дискурса описываются стереотипные образы батюшки, монаха и монахини, существовавшие в русском обществе [Там же: 7–8].

Иную точку зрения отстаивает И.В. Бугаева, которая называет язык православных верующих социолектом. В докторской диссертации исследовательница предлагает термин религолект, под которым понимается «относительно устойчивая, социально маркированная подсистема национального языка, обслуживающая речевые потребности ограниченной социальной группы верующих людей, отражающая теоцентрическую картину мира и характеризующаяся фонетическими, лексическими, словообразовательными и грамматическими особенностями» [Бугаева, 2010: 13]. Термин православный социолект как максимально конкретный кажется наиболее удобным для целей исследования.

Существует православный социолект в устной и в письменной формах, может проникать, по мнению исследовательницы, практически во все функциональные стили и реализуется как в рамках общеупотребимых жанров, так и в собственных оригинальных (проповедь, исповедь, молитва, свидетельства о чудесах и пр.) [Бугаева, 2006: 259].

И.В. Бугаева демонстрирует в своих исследованиях, что большая часть особенностей православного социолекта формируется под влиянием церковно-славянского языка. Верующие слышат его в церкви, читают на церковно-славянском языке Евангелие, Псалтирь, молитвослов. Обязательная постановка ударений в этих текстах, а также слышимое во время службы способствуют закреплению особой акцентологической нормы для ряда слов. Исследовательница предлагает обратить особое внимание на терминологическую лексику (*всёнощное бдение, трёхичное богослужение, пустынь*), имена собственные (*праздник Обрётения честной главы Иоанна Предтечи, книга Пролог*), а также на случаи скрытого или явного цитирования [Там же: 259].

Православный социолект богат и особой лексикой. Бугаева предостерегает от смешения религиозных терминов и собственно социолектизмов. Термины (*ряса, аналой, зачало, благочиние* и др.) не имеют эквивалентов в русском языке, а социолектизмы соответствуют общеупотребительным словам и выбираются говорящими для вольного или невольного маркирования своей речи (*трапезная/столовая, труждаемся/трудимся, новолетие/новый год* и др.). Здесь сохраняется в качестве нейтральной лексика, которая в рамках современного русского литературного языка считается устаревшей (*скверна, уста, перст, десница* и пр.), литературные слова получают дополнительное значение (*обращение – принятие того или иного вероисповедания*), возникают особые омонимия, синонимия, антонимия [Там же: 260–261]. Грамматика также испытала влияние церковно-славянского языка. Фиксируются случаи употребления

двойственного числа, встречаются архаические модели слово- и формообразования (от глагола читать образуется форма страдательного причастия настоящего времени *читомый*, регулярно используется суффикс -енн- при образовании страдательного причастия прошедшего времени от глаголов убить, избить: *убиенный, избенный*) [Там же: 261].

Подобное влияние оказывает церковно-славянский язык и на формулы речевого этикета в православной среде. Однако, по мнению И. В. Бугаевой, особенности православного этикета всё же, в первую очередь, обуславливаются не столько знакомством с церковно-славянским языком, сколько традицией и теоцентрическим мировоззрением его носителей [Бугаева, 2006: 18]. В статье «Этикет в православной среде» Бугаева описывает ряд нюансов, которые имеют **обращения** официальные и неофициальные. Обращения к священнослужителю будут зависеть от его сана: *Ваше Преподобие* – к диакону и иерею, *Ваше Высокопреподобие* – к старшему диакону и иерею, *Ваше Преосвященство* – к епископу и архиепископу, *Ваше высокопреосвященство* – к митрополиту, *Ваше Святейшество* (встречается также *Ваше Блаженство*) – к патриарху. При этом имя должно всегда стоять в канонической, т. е. в церковно-славянской форме. При письменном обращении в эту формулу могут вкрапляться и дополнительные элементы: «*Ваше Высокопреподобие, досточтимый отец Александр!*». Также обращается внимание, что при обращении к белому духовенству в письмах вполне приемлемо указать также фамилию, тогда как при обращении к монашествующим подобное этикетом исключается [Бугаева, 2006: 16–17].

Приветствия в православной культуре также имеют свои особенности. Ю.А. Чернышева отмечает, что помимо стилистически нейтральных *Здравствуйте, Доброе утро, Добрый вечер* существует целый пласт особых формул: *Мир вам, Христос посреде нас, С праздником*. При этом приветствие *С праздником* может звучать каждый день, поскольку по

церковному календарю каждый день – это день памяти нескольких святых [Чернышева, 2012: 157]. Приводятся и другие возможные в православном социолекте формулы приветствия: *Радость моя, С воскресным днём, Со святым вечером, Поклон Вам, Мир вашему дому*. Приветствовать священника возможно фразой *Благословите, отче!* [Бугаева, 2006:17].

Специфику **поздравления**, как точно замечает Чернышева, во многом определяет расхождение светских и церковных праздниках. Другие праздники-поводы порождают собственные поздравительные формулы: *С днём ангела, с венчанием, С Рождеством Христовым, Христос Воскресе, Со Святой Троицей* [Чернышева, 2012: 157].

Говоря о формулах **прощания**, исследователи приводят следующие: *До свидания, Просим Ваших молитв, С Богом, Господь с тобою, Иди с миром*. Если кто-то уходит или уезжает, остающийся может попрощаться фразой *Ангела в дорогу*. Кроме того, формулы прощания и приветствия нередко могут совпадать: *С праздником, Кланяюсь Вам* и пр. [Бугаева, 2006:17].

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

Речевой этикет – часть этикетной системы народа. Как и этикет в целом, речевой этикет является особой семиотической системой, которая имеет свой набор формул и правила их использования и сочетания, отражает общенациональные ценности, определяется ситуацией, для которой чрезвычайно значимы коммуникативные роли участников (пол, возраст, общественное положение и др.), а кроме того связан с ритуалом и игрой. Исследователю важно как видеть систему этикета изнутри, чтобы выяснить её ценностные основания, так и уметь сравнить её с другими подобными системами, чтобы выяснить её условность.

Стандартные формулы речевого этикета складываются для обслуживания ряда стереотипных ситуаций, причём важными компонентами

ситуации являются адресант, адресат, место, время, мотив, цель, тема, официальность/неофициальность обстановки общения, характер взаимоотношений общающихся в связи с их социальными ролями. Формулы речевого этикета служат установлению контакта, поддержанию вежливой тональности общения, регуляции отношений между коммуникантами.

Этикетные речевые жанры – это закреплённые (устойчивые) языковые реакции на стандартные ситуации общения, коммуникативная цель которых – установление, поддержание и прерывание общения между коммуникантами в соответствии с принятыми в обществе традициями и нормами речевого этикета. Одним из важнейших жанрообразующих факторов для них являются концепции автора и адресата, половозрастные и социальные роли, а также взаимоотношения общающихся. Событийное содержание для этикетных жанров очерчено прагматическими координатами «я – ты – здесь – сейчас». Коммуникативное будущее связано с изменением эмоционального состояния адресата и (возможно) последующим речевым действием с его стороны. Языковое воплощение многих этикетных речевых жанров сводится к перформативным высказываниям, которые представляют собой речевые поступки, не просто становящиеся таковыми при произнесении, но требующие соблюдения ряда условий.

Речевой этикет русскоязычных православных является частью общего русского речевого этикета, хотя и обладает рядом особенностей. Вопрос о статусе языка православных ещё не окончательно решён в современной лингвистике, однако все его изучающие признают, что это особая подсистема (функциональный стиль, социолект или тип дискурса), которая имеет свои формулы для обращения, приветствия, поздравления, прощания.

ГЛАВА 3. ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЭТИКЕТНЫХ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ В ДУХОВНЫХ ПИСЬМАХ АРХИМАНДРИТА СОФРОНИЯ (САХАРОВА)

3.1. Эпистолярный зачин и жанр «приветствие»

Описывая этикет русского письма, А.А. Акишина и Н.И. Формановская подчёркивают, что он, являясь частью речевого этикета в целом, имеет ряд особенностей, которые определяются спецификой эпистолярного текста. На основе более общих в эпистолярных текстах складываются особые этикетные формы [Акишина, Формановская, 2008: 4].

Жанр приветствия нередко описывают в связке с жанром прощания как единую этикетную рамку, которая, по словам Т.Г. Рабенко и Е.А. Черепановой, служит установлению и размыканию контакта, «фиксируя наиболее устойчивые точки разговора: его начало и окончание» [Рабенко, Черепанова, 2007: 175]. Отмечается, что именно элементы этой рамки задают и выявляют характер взаимоотношений между коммуникантами [Там же]. Базовой функцией приветствия всеми без сомнений признаётся функция установления контакта. Исследователи пишут, что в любой ситуации приветствие должно демонстрировать взаимную расположенность и доброжелательность участников коммуникации [Рабенко, Черепанова, 2007: 175], однако следует отметить, что относится это скорее к «языку» этикета, тогда как в речи ситуация может быть несколько иной.

Приветствие в эпистолярном тексте встроено в зачин. В книге А.А. Акишиной и Н.И. Формановской описаны следующие компоненты, которые могут образовывать стандартный зачин: а) место отправки; б) дата написания; в) обращение; г) приветствие (причём в частных письмах место и дата могут быть перемещены и в конец письма) [Акишина, Формановская, 2008: 5]. Помимо перечисленного в зачин духовного письма также входят

жанры благословения и «испрашивания» благословения, просьбы о молитве, а также благопожелания: *«Христос посреде нас! Глубокочтимый батюшка отец Давид, возлюбленный о Христе брат мой! Благословите меня и помолитесь обо мне, грешном»* (Сахаров, 2010b). *«Мария, дорогая, милая! Мир тебе и всем, кто с тобою от Господа»* (Сахаров, 2010a). *«Дорогие, незабвенные отче, матушка и все дети. Да не престанет умножаться на вас благословение Свыше»* (Сахаров, 1997). Все эти жанры и свойственные для их выражения стандартные формулы в письмах отца Софрония не просто воспроизводятся, а творчески варьируются. Несмотря на ограниченность того набора элементов, из которых строится зачин, даже в письмах к одному адресату полностью идентичные зачины практически не встречаются.

Обращает на себя внимание способ написания даты. Часть писем, которые были написаны в праздники Рождества и Пасхи, вместо указания точного числа датируются названием праздника (*Рождество Христово 1960/61, Пасха Господня 1961, Пасха Христова 1965*). Анализировались письма, создаваемые в период с июля 1932 по февраль 1992, однако среди них оказалось только 17 с подобной датировкой, и созданы они все между 1957 – 1968 годами.

Обращения и приветствия тесно переплетены. Наиболее частотным в обращениях становится стандартное определение *Дорогой*, часто повторяемое в пределах одного предложения (*«Доргие, трижды дорогие...»*), однако оно практически всегда снабжается и другими определениями (*глубокочтимый, возлюбленный о Христе/о Господе, незабвенный, чудный, драгоценный, милый, всечестнейший, (неизменно) любимый, родной*). Все они свидетельствуют о той теплоте и христианской любви, с которой отец Софроний относится к своим адресатам.

Обращение нередко сопровождается привычными в православной среде терминами родства (сестра, брат, отец/отче, матушка): *«Глубокочтимый, дорогой, возлюбленный о Христе брат мой, батюшка отец Давид!*

Благословите» (Сахаров, 2010b). *«ВОИСТИНУ ВОСКРЕСЕ ГОСПОДЬ! Дорогие отче, матушка, все...»* (Сахаров, 1997). По словам И. В. Бугаевой, термины родства в православной коммуникации по отношению не к кровным родственникам возникают как отражение того факта, что все прихожане церкви считаются одной семьёй [Бугаева, 2006: 17].

Встречаются письма, в которых роль обращения, являясь единственным элементом зачина (помимо датировки), перенимает функции приветствия: *«Дорогой о Господе Давид!»* (Сахаров, 2010b). *«Дорогой отец Георгий!»* (Сахаров, 2008). *«Дорогая о Господе матушка Наталия»* (Сахаров, 1997). Однако без начального обращения не обходится ни одно письмо.

В функции приветствия в начале писем используются благопожелания: *«Дорогая о Христе матушка, благословение и мир Вам от Господа»* (Там же). *«Мир тебе от Господа»* (Сахаров, 2010a). *«Мир вам от Господа и благословение да умножаются по мере течения времени, доколе все вы не достигнете в меру совершенства в познании Вечного Бога, чтобы насладиться уже непреложным и вечным миром»* (Сахаров, 1997). Обыкновенно это пожелания мира и благословения, иногда распространяемые и уточняемые, причём практически всегда уточняется, что исходят они от Бога.

Стандартными общеупотребимыми приветствиями (вроде *Здравствуйте!* или *Добрый день!*) отец Софроний в письмах не пользуется, но иногда встречаются специфичные православные приветствия: *Христос Воскресе! Воистину Воскресе!* (в пасхальные дни), а в переписке со священнослужителями – *Христос посреди нас!* Как отмечают авторы книги *«Православные поздравления и торжественные обращения»*, пасхальные приветствия – это напоминание о радостном состоянии апостолов, в котором они, когда внезапно пронеслась весть о Воскресении Христовом, с изумлением и восторгом говорили друг другу: *«Христос Воскресе!»* и отвечали: *«Воистину Воскресе!»* [Многая лета!.. Православные поздравления

и торжественные обращения, 2004].

Вполне ожидаемо, что «развёрнутость» обращения и формул приветствия зависит от характера отношений между коммуникантами. Так в краткой переписке с протоиереем Георгием Флоровским самой частотной фразой, которая выполняет функцию приветствия, становится: *«Дорогой отец Георгий!»* (Сахаров, 2008), тогда как в переписке с семьёй Бориса Старка, с которой отца Софрония связывала многолетняя тёплая дружба, начальные формулы варьируются от таких же кратких: *«Дорогая матушка Наташа, мир Вам»* (Сахаров, 2010а), до очень развёрнутых: *«Дорогие, дорогие матушка Наташа, отче Борисе, Миша, Коля и если с вами сейчас – Вера и все малыши, быстро растущие. Мир вам от Господа и благословение да умножаются по мере течения времени, доколе все вы не достигните в меру совершенства в познании Вечного Бога, чтобы насладиться уже непреложным и вечным миром»* (Там же).

Как уже отмечалось, зачин писем отца Софрония может в исключительных случаях состоять только из обращения, однако чаще всего он имеет (если не брать в расчёт датировку) двухчастную структуру: обращение (часто расширенное прилагательными и терминами родства) и благопожелание / формула приветствия / просьба о благословении. Выбор второго элемента зависит от адресата и его статуса. В письмах к Давиду Бальфуру практически все зачины состоят из развёрнутого обращения и просьбы о благословении: *«Глубокочтимый батюшка отец Давид, Благословите!»* (Сахаров, 2010b). В письмах же к сёстрам Марии и Александре и к матушке Наталье зачин чаще всего строится из развёрнутого обращения и развёрнутого благопожелания: *«Дорогая моя Мария! / Снова и снова молюсь, да будет с тобою неотступно мир Христа, Бога нашего, и Свет Духа Святого да просвещает тебя на всякий день обильно»* (Сахаров, 2010а: 131). *«Дорогая, дорогая матушка Наташа. / Мир Вам и благословение от Господа»* (Сахаров, 1997). Реже встречаются трёхчастные зачины:

«ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ! / Дорогая матушка Наташа, мир Вам. И ещё много, много раз повторяю: мир Вам. (Там же). Христос воскрес! / Возлюбленный о Господе отец Димитрий! / Христос посреде нас! (Сахаров, 2010b). ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ! / Родная, чудная Мария! / Мир тебе и всем-всем вам» (Сахаров, 2010a).

3.2. Жанр «поздравление»

Поздравление определяют как этикетный речевой жанр, который выражает «похвалу и/или добрые пожелания кому-либо в связи с каким-либо знаменательным, важным или просто приятным событием» [Акулова, 2014: 450].

Ситуации, в которых применяется жанр поздравления, Т.В. Тарасенко делит на две группы. Первую группу ситуаций исследовательница предлагает описывать следующим образом: говорящий оценивает некие события в жизни адресата как несомненно положительные и, следуя этикету данного социума, поздравляет его [Тарасенко, 1999: 14]. Можно поздравить адресата с женитьбой, рождением ребёнка, с успехом в каком-либо деле. В этом случае для успешности коммуникации важно, чтобы оценка события-повода адресатом и адресантом совпадали [Там же]. Поздравления этой группы, как справедливо замечает исследовательница, являются показателем определённого типа отношений между коммуникантами. [Там же: 15]. По мнению Тарасенко, в эту же группу включаются и поздравления во время празднования дня рождения или юбилея, «когда выступающие каждый раз акцентируют внимание на каких-то особенных качествах юбиляра» [Там же: 14].

К другой группе событий Тарасенко относит общенациональные или всемирные типологизированные праздники, такие как Новый год, Рождество, День матери, Международный женский день и др. Праздники этой группы, как

уверенно демонстрирует на примерах исследовательница, также могут оцениваться по-разному [Там же: 15–16]. Можно предположить, что и для этой группы поздравлений будет важно совпадение взглядов на праздник-повод.

Полной реализацией жанра поздравления предполагает, по мнению Тарасенко, наличие следующих компонентов: речевое действие поздравления и сообщение о событии-поводе, однако, в силу очевидности ситуации, второй компонент часто опускается [Там же: 16].

Коммуникативной целью поздравления, по словам Т.П. Сухотериной, является усиление эмоционального состояния, в котором находится адресат, а также установление и поддержание контакта [Сухотерина, 2005: 127]. Этот жанр наименее информативен, его доминанта – фатическая [Там же].

В анализируемых письмах преобладают поздравления первой группы, причём наиболее частотным поводом для поздравления становится Пасха Христова: из 55 отрывков, которые мы квалифицировали как текст в жанре поздравления, 20 – это поздравления с Пасхой, 13 – с Рождеством, 10 – с Новым годом, 5 – с днём ангела, 4 – с днём рождения и по одному с «принятием ангельского образа» (т. е. принятие великой схимы – последней ступени на пути монашества), с возведением в сан архимандрита и с рождением ребёнка.

Естественно, что проанализированных текстов недостаточно, чтобы сделать основательные выводы, однако изученный языковой материал позволяет наметить ряд тенденций. Пасха не только становится наиболее частым событием-поводом для поздравления, но и во многих письмах подчиняет себе всё дальнейшее содержание, выходя за рамки этикета.

Изучающие русскую православную культуру отмечают первостепенную значимость Пасхи в ряду других праздников. Философ, богослов С.Н. Булгаков писал: «Праздник Пасхи составляет сердце Православия, а вместе с тем живое свидетельство его полноты и истинности» [Булгаков, 1991: 285]. Современный православный богослов, профессор

Московской духовной академии А.И. Осипов: «...если мы хотим выразить существо христианства не просто одним словом – Христос, то скажем так: оно состоит в Кресте Христовом и Его Воскресении, через которые человечество наконец получило возможность нового рождения, возможность возрождения, восстановления того падшего образа Божия, носителями которого мы являемся» [Осипов, 2013]. На первостепенную значимость Пасхи и «пасхального архетипа» для русской словесности обращают внимание и филологи. К примеру, И.А. Есаулов находит в русской словесности отражение пасхального архетипа. Учёный противопоставляет его архетипу рождественскому, свойственному, по мнению Есаулова, культурам, на которые повлияла западная ветвь христианства [Есаулов, 2004].

Пожелания, следующие за поздравлением, могут оформляться с помощью различных конструкций. Самой частотной в анализируемых письмах оказалась конструкция, которую, если не учитывать переменные члены, можно представить следующим образом: частица «да» + глагол в настоящем или будущем времени + существительное (местоимение) в форме именительного падежа: *«да наполнится каждый твой день глубоким смыслом совершающегося»* (Сахаров, 2010а); *«да хранит вас сила воскресшего Христа»* (Там же); *«да будет с тобою свет нетленный...»* (Там же).

Нередко встречается и специфичная конструкция, отражающая теоцентризм мировоззрения автора, веру в то, что всё даётся человеку Богом. «Умоляю/прошу Бога» или «молитва моя о том, чтобы/молюсь, чтобы»: *«И Бога молю, чтобы новое наступающее лето было для вас годом богатого Свыше благословения, исполненным мира, во всём достатка, сил на жизнь и истинного вдохновения»* (Сахаров, 1997). *«Молитва моя о том, чтобы Свет нетленный Воскресения Христа всегда наполнял атмосферу вашего дома»* (Там же).

Среди прочего присутствуют и стандартные конструкции с

перформативом *желаю* и глаголами *надеюсь/верю*: «*Желаю всем вам полноты жизни и радости*» (Там же); «*Всем вам желаю не только непреходящего счастья, но и Вечного торжества в мире глубоком, в Царстве незаходимого Света...*» (Там же). Иногда конкретные пожелания заменяются фразой «*Шлю/посылаю мои искренние/наилучшие пожелания*»: «*Мария, тебе дорогая, и всем вам шлю мой пасхальный привет и самые лучшие пожелания*» (Сахаров, 2010а). «*Шлю вам к дням пасхи мои наилучшие пожелания*» (Сахаров, 2008).

Очевидно, что желают в поздравлении обыкновенно то, что пишущий и его адресат (по мнению пишущего) считают главными жизненными ценностями, а значит именно на этом материале наиболее удобно анализировать ценностные ориентиры автора. Подавляющее большинство пожеланий в анализируемой переписке связаны с высшими духовными ценностями: богопознание, духовное восхождение, радость о Воскресении, избавление от мрака неверия и сомнения, вечного торжества в будущей жизни: «*Мир тебе и благословение свыше да умножатся; да будет весь твой жизненный путь перед Лицем Всевышнего, как непрестанное восхождение все к большему познанию о Том, Кто превосходит всякую нашу идею о познании; да будет всякое новое твое приближение к Нему в духе Божественной Любви, неотъемлемой во веки веков*» (Сахаров, 2010а). Лишь несколько раз встречаются пожелания, не связанные с духовным миром: достатка, здоровья и долгих лет жизни.

Интересно, что отец Софроний в своих поздравлениях несколько раз затрагивает темы смерти и страдания, которые сложно назвать типичными для этого жанра. Так, в одном из писем к сестре, желая ей умножения духовных дарований, отец Софроний одновременно напоминает о приближающейся смерти: «*А тебе и Нике желаю новых духовных дарований. Вы, как и я приблизились к самому важному событию в жизни каждого человека – исходу отсюда*» (Там же). Очевидно, что такая тема может возникать в

поздравительном контексте в связи с особым, христианским восприятием физической смерти.

3.3. Жанр «извинение»

Речевой жанр «извинение» определяют как просьбу о прощении, которая оформляется с помощью особых этикетных формул, различающихся в зависимости от ситуации (*Приношу (приносим) свои извинения* в официальной ситуации, *извините (простите)* в ситуации незначительного проступка и др.) [Акулова, 2013: 178–179].

Т.В. Тарасенко описывает несколько возможных ситуаций, в которых применяется жанр извинения. Согласно этикету, извиняется говорящий, который стал инициатором негативного действия. Исследовательница отмечает, что даже обыкновенные коммуникативные действия говорящий может представлять как доставляющие адресату беспокойство, требующие затраты сил адресата. Вслед за Т.М. Николаевой, Тарасенко демонстрирует, что *извините* в современном русском языке всё чаще употребляется в нейтральных ситуациях вместо традиционных этикетных рамок *пожалуйста, будьте добры, скажите* и подобных [Тарасенко, 1999: 12]. Помимо этого, исследовательница предлагает выделять метаизвинения, которые говорящий приносит в связи с нарушением правил поведения, приличия и речевого поведения [Там же].

Большая часть фрагментов в жанре извинения в исследуемых письмах относятся к метаизвинениям:

1) Извинения за многословие или предполагаемую автором неуместность написанного: «*Прости за многословие*» (Сахаров, 2010а). «*Простите меня, быть может, все это излишне, но здесь я хочу сказать немного и о том, что в настоящее время значительная часть христианского мира склоняется к принятию одной из опаснейших ересей, которая состоит в*

том, что якобы нет в настоящее время ни одной Церкви, которая в полноте сохранила истину учения Христова...» (Сахаров, 2010b).

2) Извинения за излишнюю краткость или невозможность писать о важном: *«Надеюсь когда-нибудь позднее описать вам подробнее мою жизнь на новом месте, а пока, прости, ограничусь этим»* (Сахаров, 2010a). *«Дорогой, простите, потерпите; невозможно теперь написать Вам о многом очень и очень существенном. Покамест я писал эти немногие страницы, уже несколько раз потрясало все здание с гулом, и воем, и треском. Если Господь даст, будем живы, обо всем поговорим во славу Его»* (Сахаров, 2010b).

3) Извинения за сумбурность, неупорядоченность написанного: *«Простите, я пишу, бросая наскоро главные мысли, не стремясь даже привести их в порядок»* (Сахаров, 2008).

4) Извинения за то, что долго не писал или поздно отправил письмо: *«Простите. Думая еще продолжить мое письмо, не отправил его даже до сего дня»* (Там же). *«Прошло много времени, что я тебе не писал. Прости меня. Я никогда не умел организовывать ни мою жизнь, ни мои мысли. Все у меня идет “стихийным” порядком, как полагается “восточному” человеку»* (Сахаров, 2010a).

Несколько раз извинение используется в функции поддержания адресата, когда нет возможности помочь ему: *«Если бы возможно было, я с радостью понес бы за Вас все Ваши настоящие унижения и скорби, потому что Господь дал мне на опыте познать их пользу. Простите меня, потерпите еще немного, не лишайте меня любви Вашей и покамест доверия»* (Сахаров, 2010b).

Кроме того, извинение сопровождает просьбу, когда автор предполагает, что она может обременить адресата. Так, после просьбы отправить ещё конвертов и марок: *«Простите нас, нищих»* (Там же).

Языковым воплощением жанра, по словам Тарасенко, становится обыкновенно перформатив *извините/простите*, либо разговорная форма

извиняюсь. Когда участникам ситуации не требуется объяснения ситуации (за исключением официальной коммуникации), говорящий употребляет только одну клишированную формулу. В иных случаях извинение оформляется следующим образом: формула + событие-повод, причём повод может оформляться самостоятельной или придаточной предикативной единицей, а также номинализованной конструкцией с предлогом *за* (*извините за беспокойство*) [Тарасенко, 1999: 13–14].

Н. А. Ковалёва справедливо отмечает, что употребление тех или иных форм извинения позволяет судить о степени вины автора (*Извините* или *Даже не знаю, как мне перед вами извиниться!*), о признании или непризнании тяжести своей вины (*Я готов извиниться в том случае, если...* или *Извините меня, я очень перед вами виноват*), а также о возрасте автора, его эмоциональности, о степени образованности (*Извиняй* или *Извините великодушно*) [Ковалёва, 2009: 35].

В исследуемых текстах во всех случаях (за исключением одного единственного) извинение оформляется перформативом *прости* (*простите*). Так как это переписка, во всех случаях автору приходится так или иначе актуализировать повод извинения, для чего нередко используются придаточные предикативные единицы: «*Простите, что, быть может, не всегда я знаю, как и что можно писать Вам*» (Сахаров, 1997). «*Простите меня, дорогой отец Давид, что я, не предполагая желания у отца Силуана написать Вам что-либо, не спросил его своевременно и поэтому не отправил Вам его письма вместе с моим вторым письмом, хотя по времени это было возможным. 31 июля*» (Сахаров, 2010b). Несколько раз причина оформляется номинализованной конструкцией с предлогом *за* «*Прости за многословие*» (Сахаров, 2010a). «*Меня простите и за годы мои (72), и за лень, и за ещё сверх моих сил занятость*» (Сахаров, 1997). Помимо описанных, встретились примеры, в которых сперва идёт описание повода извинения, а затем (иногда отдельным предложением) перформатив *прости*: «*И не бойся, я не буду тебя*

беспокоить дальше ничем таким, что могло бы тебе напомнить о твоей ране. Сам я слепой, и никак не помню того первого жеста моего, который ты поняла так, как пишешь о том. Прости меня, и дай мне любовь твою...» (Сахаров, 2010а). *«Прошло много времени, что я тебе не писал. Прости меня»* (Там же).

К извинению иногда примыкают высказывания, которые можно квалифицировать как объяснение причин своей «оплошности» или как оправдание: *«Прости, я не написал тебе ничего до сего дня. Ты знаешь, что привилегия быть близким и верным иногда становится причиной подобны пробелов, как бы небрежности... Это потому, что душа уверена в неколеблемости доброго чувства, потому что доверие идёт дальше этих вещей»* (Сахаров, 2010а). *«Прошло много времени, что я тебе не писал. Прости меня. Я никогда не умел организовывать ни мою жизнь, ни мои мысли. Все у меня идет «стихийным» порядком, как полагается «восточному» человеку»* (Там же).

3.4. Жанр «благодарность»

Событийное содержание жанра «благодарность», как отмечает Т.В. Тарасенко, находится в сфере и автора, и адресата. Традиционно высказываниям в этом жанре предшествует некая услуга, оказанная адресатом автору; они могут расцениваться и как негативно-оценочные, но уже при отсутствии таковой услуги [Тарасенко, 1999: 11]. Языковое воплощение жанра находится в сильной зависимости от ситуации. Ориентируясь на степень стандартности или официальности ситуации, автор выбирает одну из формул (*примите мою благодарность, благодарю, спасибо* и др.), а также может выделить предмет благодарности: формула + а) номинализованная конструкция с предлогом; б) придаточная предикативная единица; в) самостоятельная предикативная единица [Там же].

Фрагменты, относящиеся к жанру благодарности, встречаются практически в каждом письме. В основном, это стандартное для эпистолярного жанра благодарность за полученное ранее письмо: *«Спасибо за письмо от 17.08. Всё его содержание – меня глубоко трогает»* (Сахаров, 1997). *«Огромное тебе спасибо за твое последнее большое письмо. Зная, как ты нелегко пишешь письма, тем более ценю его. Несмотря на то, что в нем так много более или менее печальных вестей, я был рад получить от тебя такое подробное описание вашей жизни»* (Сахаров, 2010а). *«Чудная Мария, спасибо тебе за последнее письмо»* (Там же). Такая благодарность практически всегда открывает основную часть письма, но в некоторых случаях она заменяется констатацией факта получения письма и выражением чувств по поводу или описанием обстоятельств получения письма: *«Твое письмо от 25-го я получил здесь вчера. Я был рад ему...»* (Там же). *«С того дня, как я получил твое письмо, я не перестая усиленно вспоминать тебя»*(Там же). Можно предположить, что, находясь в начале основной части, эти высказывания выполняют сходную функцию: напоминают о прошлом контакте и частично актуализируют связанную с ним информацию; все они также (совместно с зачином) задают дальнейший эмоциональный тон письма. При этом высказывания в жанре благодарности не просто констатируют радостные чувства автора, но и подчёркивают заслугу адресата.

Кроме начального положения, благодарности могут встречаться в конце письма, в зоне подготовки адресата к прощанию. Поводы для выражения благодарности, в основном, достаточно типичны: приглашение, совет, поддержка, отправленные фотографии, рассказ в предыдущем письме о чём-то особенном, поздравление: *«Спасибо тебе за память и любовь и за приглашение»*(Там же). *«Я Вам лично очень благодарен за то, что Вы всегда поддерживали меня в этом моем служении памяти Старца, отца моего и благодетеля в высшем смысле этого слова»* (Сахаров, 2008). *«Огромное спасибо за фотографии. Отец Борис великолепно выглядит на них. Красивая*

старость (ещё не глубокая). А матушка выглядит воистину как мать и бабушка, которая торопилась всегда строить жизнь детей, не щадя себя» (Сахаров, 1997).

Самым частым языковым оформлением благодарности становятся слово *спасибо* и различные стандартные⁶ конструкции с ним: а) *спасибо* (иногда с указанием адресата) + конструкция с предлогом *за*: «*Огромное тебе спасибо за твое последнее большое письмо»* (Сахаров, 2010а). «*Спасибо за ваши письма»* (Там же: 118); б) *спасибо* + придаточное предложение, присоединяемое союзом *что*: «*Спасибо, что пишешь о некоторых из родных. Всем передай мою любовь»* (Там же). «*Спасибо, что написали мне о мальчиках»*(Сахаров, 1997). Они могут быть снабжены интенсификаторами *большое* и *огромное*: «*Большое спасибо Вам за письмо. По-видимому, «сердце сердцу весть подаёт»* (Там же). *Огромное спасибо за Ваше письмо от 1-го с/м»* (Там же).

Помимо этого, по одному разу встретились конструкция с перформативом *благодарю*: «*Итак, снова благодарю тебя за твои объяснения мне...»* (Сахаров, 2010а), а также конструкции, имеющие более официальную окраску «*Я Вам лично очень благодарен за то, что Вы всегда поддерживали меня в этом моем служении памяти Старца, отца моего и благодетеля в высшем смысле этого слова»*. (Сахаров, 2008). «*Прежде всего спешу выразить Вам мою глубокую благодарность за Ваше «Введение» к Старцу Силуану. Оно вполне отвечает моему желанию: все только о Старце»*(Там же). «*Примите мою благодарность и за Ваши письма и данные мне в них указания»* (Там же). «*И ей шлю мою благодарность»* (Сахаров, 2010а). Встречается также не вполне стандартный способ выражения благодарности при помощи определения «*Благодарный Вам за письмо, я позволю себе высказать предположение, что, быть может, было бы лучше, если бы Вы*

⁶ Эти же конструкции как варианты предложений со словом *спасибо* описаны, к примеру, в «Словаре русского речевого этикета» А. Г. Балаклая [Балаклай, 2001: 494].

написали раньше» (Сахаров, 2008).

3. 5 Эпистолярная концовка и жанр «прощание»

Рассматривая жанр прощания как элемент «этикетной рамки дискурса», Т.Г. Рабенко и Е.А. Черепанова дают ему следующее определение: «комплекс средств, используемых собеседником для вежливого, неконфликтного завершения общения» [Рабенко, Черепанова, 2008: 177]. В эпистолярной коммуникации для этой цели существует свой специфический комплекс средств, которые объединяются в концовке письма. Как и зачин, концовка зачастую состоит из целого ряда элементов: а) подпись; б) уверения в уважении, дружбе, любви; в) итоговые стереотипные фразы, заканчивающие письмо и предшествующие прощанию; г) повторные стереотипные извинения, поздравления, пожелания и благодарность) прощание и выражения, сопровождающие прощание; е) приветы и просьбы передать привет; ж) приписка в конце [Акишина, Формановская, 2008: 4]. Эти же элементы, как оказалось, можно найти и в концовке писем архимандрита Софрония, однако они (как и элементы зачина) будут иметь свою специфику.

Некоторые концовки отделяются от основной части метавысказываниями, указывающими на завершение письма: *«Кончу.. На сегодня довольно. / Всех вас благословляю с глубокой любовью...»* (Сахаров, 2010а). *«Видите, начал писать совсем беспорядочно. Значит, пока кончу. Знаю, что Вы любите Господа. Знаю, что Вы любите даже и меня. А Вы знаете, что я люблю Вас, всех вас неизменно крепко, и всегда я ваш / Тати»* (Сахаров, 1997). Маркером завершения может быть слово *итак*, за которым следуют другие стереотипные фразы, применяемые при прощании: *«Итак, спасибо большое за приветы ваши, за любовь, за всё. / Да хранит вас Господь. / С любовью Софроний»* (Там же). *«Итак, вы все, дорогие мне, всегда, на*

всякий день в моих молитвах, и, верю, я в ваших молитвах. / С любовью – как всегда и навсегда Софроний» (Там же).

Нередко ядро концовки составляют благопожелания: *«Да будет над вами неотступно благословение Божие; если возможно, то и непрестанно возрастающее. Жизнь нигде никогда не бывает лёгкою для христианина, но посеянное добро в страданиях после, по исходе отсюда, вырастает стократно и даже бесконечно более; и в этом наша надежда, укрепляющая и вдохновляющая. / С большой любовью всегда ваш архимандрит Софроний»*. (Там же). Как и в зачине, это по большей части пожелания благословения от Бога, его защиты, мира. Нередко встречается стереотипная формула *«Да хранит вас Бог*, а также уверения в любви, преданности, в том, что автор всегда помнит об адресатах: *«Итак, дорогая моя Мария, я люблю тебя. / Твой Софроний»* (Сахаров, 2010а). *«Всегда с глубокой благодарностью вспоминаю Вас. / Помню о Вас и в порядке моего предстояния Богу. / Архимандрит Софроний»* (Сахаров, 2010б).

Встретившиеся стереотипные формулы прощания совпадают с теми, которые функционируют в качестве приветствия: *«Мир тебе. Христос посреди нас! Христос Воскресе! Воистину Воскресе!»*

Как и отмечали Акишина и Формановская, в конце повторяются извинения, поздравления: *«Простите. / Преданный Вам о Господе, / Ваш меньший брат / недостойный иеродиакон Софроний»* (Там же). *«Еще раз повторяю мои самые искренние поздравления и пожелания. И да хранит Вас Господь»* (Сахаров, 2008). Также здесь появляются обычные для эпистолярного текста просьбы писать, и специфичные для духовных писем благословения, просьбы о благословении, просьбы о молитвы и уверения, что автор будет и сам молиться за адресата: *«Молитесь за меня, дорогой батюшка отец Давид; молитесь и Господу, и Божией Матери, Владычице нашей. И я, как меньший брат Ваш о Христе, не перестану молиться о Вас»* (Сахаров, 2010б). *«Простите меня за все, чем обидел Вас, благословите и молитесь за*

меня, грешного» (Там же). Кроме того, в концовке могут вновь употребляться обращения (с теми же расширителями, что и в зачине).

Если ни один зачин не обходится без обращения, то в концовке письма таким же обязательным элементом оказывается подпись. Встретилось несколько писем, в которых она является единственным элементом концовки: «Недостойный иеродиакон Софроний» (Там же). «Преданный с любовью о. Софроний» (Сахаров, 2008). В редких случаях подпись сокращена до минимума, но всё же присутствует: «Твой S». (Сахаров, 2010а). Она может состоять из имени и духовного звания, просто имени или даже прозвища, которые обыкновенно снабжаются прилагательными (*преданный, грешный, недостойный*), причастиями (*любящий*) или существительными в функции приложения (*старик Софроний*), притяжательными местоимениями *твой/ваш*, а также стереотипным словосочетанием *с любовью*: «С большой любовью ваш Софроний» (Там же); «недостойный иеродиакон Софроний» (Сахаров, 2010б); «Ваш Тати, неизменно преданный» (Сахаров, 2008). Подпись ярко отражает образ автора (он, собственно, и описывается прилагательными), а также отношения между автором и адресатом. Так прозвище (Тати⁷) заменяет имя только в письмах к семье протоиерея Бориса Старка, с которой автора связывали длительные дружеские отношения. В длительных переписках встречаются интересные примеры, варьирующие стереотипную подпись *твой/ваш + имя*: «Твой как всегда и даже больше / А. Софроний» (Сахаров, 2010а). «Ваш, как всегда и навсегда Тати-Софроний» (Сахаров, 1997).

Ещё один из элементов, описанных Акишиной и Формановской, периодически встречается в исследуемых письмах – это приветы и просьбы передать привет и/или благопожелания: «Шлю самые теплые пожелания всем, кто с тобою» (Сахаров, 2010а). «Шлю мой самый искренний привет Ксении Ивановне» (Сахаров, 2008). «Привет о. Борису, Верочке, а малышей целую»

7 Один из сыновей отца Бориса, в раннем детстве, когда только учился говорить, звал так отца Софрония.

(Сахаров, 1997). Кроме того, близким адресата могут передаваться благословения: *«Отцу мою любовь о Христе. Детям – моё благословение. / Ваш Тати. / Привет и любовь от всех нас – 12-ти»* (Сахаров, 1997). *«Мою любовь шлю отцу. Также любовь и благословение Верочке, Мишуку и Куке. Скажите всем, что помню их»* (Там же). *«Всем шлю мои наилучшие воспоминания, и любовь, и благословение»* (Там же).

Таким образом, в функции прощания (то есть для вежливого завершения общения) и подготовки к нему в письмах архимандрита Софрония используются как стандартные для эпистолярных текстов метавысказывания, благопожелания, повтор поздравлений и извинений, приветы и подпись, так и специфичные для духовных писем благословения и просьбы о молитве.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3

Эпистолярный этикет, являясь частью русского этикета в целом, всё же имеет особенности, связанные со спецификой эпистолярного текста. Жанры приветствия и прощания вплетены в этикетную рамку эпистолярного текста – зачин и концовку. Исследование показало, что зачин писем отца Софрония может содержать следующие элементы: 1) дата написания; 2) обращение; 3) приветствие; 4) благопожелания; 5) благословение и просьбы о благословении (если адресат – священник). Датировка вместо указания дня и месяца может содержать название церковного праздника (Пасха или Рождество) с указанием года. Обращение практически всегда сопровождается определениями *дорогой, глубокочтимый, возлюбленный о Христе/о Господе, незабвенный, чудный, драгоценный, милый, всечестнейший, (неизменно) любимый, родной*, а также принятыми в православной среде терминами родства. Обращение является обязательным элементом любого зачина писем отца Софрония, и может перенимать функции приветствия. В этой же функции нередко встречаются благопожелания (пожелания мира и благословения от

Бога). Вместо стандартных формул приветствия используются специфичные для православной среды формулы *Христос Воскресе! Воистину Воскресе! Христос посреди нас!* Развёрнутость зачина и его составляющие варьируются в зависимости от адресата.

Поздравлением называют выражение похвалы или добрых пожеланий в связи с каким-либо значимым событием. Поводом для поздравления могут быть официальные и неофициальные праздники, а также события в жизни адресата, которые автор расценивает как положительные. Большинство поздравлений в исследуемых письмах – это поздравления с Пасхой и Рождеством. Обращает на себя внимание то, что именно Пасха как главный праздник в православной культуре чаще других становится поводом для поздравления. Нередко поздравления оформляются с помощью конструкции с усилительной частицей *да*, или с помощью специфичной конструкции, отражающей теоцентризм авторского мировоззрения: «Умоляю/прошу Бога» или «молитва моя о том, чтобы/молюсь, чтобы». Подавляющее большинство пожеланий в анализируемой переписке ориентированы на высшие духовные ценности: богопознание, духовное восхождение, радость о Воскресении, избавление от мрака неверия и сомнения, вечного торжества в будущей жизни.

Извинения в основном представлены метаизвинениями, которые оформляются стандартными для русского языка способами. Жанр благодарности также представлен в большей степени стандартными для эпистолярных текстов благодарностями за полученное ранее письмо, или за извещение о чём-либо.

В эпистолярных жанрах выработан особый комплекс средств, которые объединяются в концовку письма: 1) подпись; 2) уверения в уважении, дружбе, любви; 3) итоговые стереотипные фразы; 4) приветы и просьбы передать привет; 5) приписка в конце. Концовка может отделяться от основной части метавысказываниями, которые указывают на то, что письмо подходит к концу. В концовку нередко включаются благопожелания, а также повторные

извинения и поздравления. Формулы, используемые для прощания, совпадают с формулами приветствия (*Мир тебе. Христос посреди нас! Христос Воскресе! Воистину Воскресе!*). Подпись становится обязательным (в редких случаях – единственным) элементом концовки. Она может состоять из имени и духовного звания, просто имени или даже прозвища, которые обыкновенно снабжаются прилагательными (*преданный, грешный, недостойный*), причастиями (*любящий*) или существительными в функции приложения (*старик Софроний*), притяжательными местоимениями твой/ваш, а также стереотипным словосочетанием *с любовью*.

Этикет духовных писем архимандрита Софрония представляет собой своеобразное переплетение общеупотребимых, часто встречающихся в литературном языке формул с формулами, которые свойственны православной речевой культуре, причём стандартные элементы не просто воспроизводятся, а творчески варьируются. Некоторые особенности этикета отражают тецентричность мировоззрения, веру в то, что всё в мире зависит от воли Бога, восприятие Пасхи как главного православного праздника, особое отношение к физической смерти.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Детальный анализ этикетной рамки и этикетных речевых жанров в письмах архимандрита Софрония позволяет сделать несколько выводов.

Во-первых, жанры *приветствие* и *прощание* в эпистолярных текстах должны рассматриваться в связи с другими элементами этикетной рамки письма, которые могут при отсутствии типичных формул выражения этих жанров перенимать функции приветствия или прощания соответственно. Обязательными элементами этикетной рамки письма становятся не приветствие и прощание, а обращение и подпись, которые, однако, выполняют те же функции (вежливое начало и завершение контакта).

Во-вторых, в этикетную рамку писем архимандрита Софрония (можно предположить, что это будет справедливо и для духовных писем других авторов) кроме стандартных элементов (зачин – место и дата написания, обращение, приветствие; концовка – подпись, уверения в уважении, дружбе, любви, итоговые стереотипные фразы, повторные извинения, поздравления, благодарность, прощание, приветы, приписки) могут входить благопожелания, просьбы о благословении (при обращении к другим духовным лицам) и благословение, просьбы о молитве и уверения в том, что автор молится за своих адресатов.

В-третьих, этикетные речевые жанры в духовных письмах оформляются как стереотипными формулами, которые общеизвестны и широко распространены в русском языке, так и формулами, которые свойственны только православному социолекту. Однако жанры извинения и благодарности, несмотря на наличие особых формул, всё же оформляются в исследуемой переписке при помощи стандартных формул и конструкций.

В-четвёртых, особенности этикетной рамки, а также жанра поздравления в исследуемых письмах отражают теоцентризм мировоззрения автора и некоторые особенности православной культуры (первостепенную

значимость Пасхи как напоминания о Воскресении, признание богопознания и духовного восхождения высшим благом, веру в будущую жизнь).

Дальнейшее исследование может идти по пути расширения материала, уточнения выводов и проверки того, насколько они справедливы для духовных писем других авторов. Представляется интересным более детально изучить жанр поздравления в православной культуре, а также сравнить его форму и ценностное содержание с поздравлением в других сферах. Однако можно избрать иной путь, оставив тот же материал, но сменив угол зрения на него. Архимандрит Софроний – достаточно известный церковный писатель, тексты которого всё же ранее практически не изучались филологами, поэтому представляется актуальным описать его идиостиль.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акишина А.А. Формановская Н.И. Этикет русского письма. М.: ЛЕНАД, 2008. 208 с.
2. Акулова Н.Н. Поздравление // Эффективное речевое общение (базовые компетенции) / Под. ред. А.П. Сковородникова. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2014. С. 450.
3. Акулова Н.Н. Извинение // Эффективное речевое общение (базовые компетенции) / Под. ред. А.П. Сковородникова. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2014. С. 178–179.
4. Алпатов В.М. Соссюр и Бахтин // Жанры речи. 2016. №1. С. 9–17.
5. Арутюнова Н.Д. Жанры общения // Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. М.: Наука, 1992. С. 52–56.
6. Байбурин А.К., Топорков А.Л. У истоков этикета. Этнографические очерки. Л.: Наука, 1990. 168 с.
7. Балаклай А.Г. Словарь русского речевого этикета. М.: Аст-Пресс, 2001. 672 с.
8. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 237–280.
9. Бенвенист Э. Делокутивные глаголы // Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. С. 320–328.
10. Бердникова А.Г. Речевой жанр благодарности: когнитивный и семантико-прагматический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Новосибирск, 2005. 28 с.
11. Бобырева Е.В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Волгоград, 2007. 45 с.
12. Бугаева И.В. Православный социолект: проблема описания // Вестник сибирского государственного аэрокосмического университета им. академика М.Ф. Решетникова. 2006. № 6 (13). С. 258–262.

13. Бугаева И.В. Этикет в православной среде // Русский язык в школе и дома. 2006. №4. С. 16–18.
14. Бугаева И.В. Язык православной сферы: современное состояние, тенденции развития: автореф. дис. ... д-ра филол. наук 10.02.01: М., 2010. 48. с.
15. Булгаков С.Н. Православие. Очерки учения Православной церкви. М.: Terra, 1991. 413 с.
16. Вежбицка А. Речевые жанры [Электронный ресурс] // Жанры речи. Саратов. 1997. Вып. 1. URL: <http://www.twirpx.com/file/717037/> (дата обращения: 19.09.2016).
17. Велижанина А.О., Филатова В.В. К вопросу о статусе церковно-религиозной речи // Актуальные проблемы социальной коммуникации: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Н. Новгород: Изд-во НГТУ им. Р.Е. Алексеева, 2013. С. 425–428.
18. Виноградова Е.М. Эпистолярные речевые жанры: прагматика и семантика текста: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 1991. 20 с.
19. Ворфоломеева Д.М. Понятие речевого жанра в методическом аспекте: особенности, классификация // Перспективы развития науки и образования. 2015. С. 23–27.
20. Гольберг И.М. Религиозно-проповеднический стиль современного русского литературного языка: дисс. ... канд. филол. наук 10.02.01. М., 2002. 157 с.
21. Григорьева Т.М. Русская эпистолярная культура: от прошлого к настоящему [Электронный ресурс] // Наука. Мысль. 2015. № 11. URL: wwenews.esrae.ru/20-177 (дата обращения: 18.01.2017).
22. Дементьев В.В. Изучение речевых жанров: обзор работ в современной русистике // Вопросы языкознания. 1997. № 1. С. 109–121.
23. Дементьев В.В. Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010. 594 с.

24. Долинин К.А. Проблема речевых жанров через 45 лет после статьи Бахтина // Русистика: Лингвистическая парадигма конца XX века. Спб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1998. С. 35–46.
25. Дускаева Л.Р. Типология речевых жанров журналистского дискурса // Медиалингвистика. 2014. №3. С. 21–24.
26. Есаулов И.А. Пасхальность русской словесности. М.: Круг, 2004. 560 с.
27. Изотов А.И. Об обоснованности вычленения церковно-религиозного функционального стиля в русистике и религиозного функционального стиля в богемистике //Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. №2(68): Ч. 1. С. 100–103.
28. Иркабаева М.В. Речевые акты и речевые жанры: соотношение понятий // Вестник Башкирского университета. 2010. №3(15). С. 636–640.
29. Ицкович Т.В. Жанровая система религиозного стиля на коммуникативно-прагматическом и категориально-текстовом основаниях: дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Екатеринбург, 2016. 387 с .
30. Карасик В.И. Бейлинсон Л.С. Речевой жанр и речевое действие // Учёные записки Российского государственного социального университета. 2010. №1. С. 123–126.
31. Карасик В.И. Язык социального статуса. М.: Гнозис, 2002а. 333 с.
32. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002б. 477 с.
33. Каширина В.В. Феномен духовного письма // Русская словесность. 2007. № 1. С. 73–80.
34. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Речь Москвичей: коммуникативно-культурологический аспект. М.: Русские словари, 1999. 396 с.
35. Ковалева Н.А. Жанровая природа извинения в русском языке // Вестник Волгоградского государственного ун-та. Серия 2: Языкознание. 2009. № 1. С. 34–37.

36. Колмогорова А.В. Речевой субжанр «нигерийские письма» как одна из форм коммуникативной манипуляции // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2012. №2(19–1). С. 29–37.

37. Костомаров П.И. Трактовка речевого жанра в работах отечественных исследователей // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. Т. 1.№2. С. 181–185.

38. Крылова О.А. Существует ли церковно-религиозный функциональный стиль в современном русском литературном языке? // Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000. С. 107–119.

39. Крысин Л.П. Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме современного русского литературного языка // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Сб. памяти Т.Г. Винокур. М.: Наука, 1996. С. 135–138.

40. Крысин Л.П. Попытка социально-ролевой типологии речевых жанров // Коммуникативные исследования. 2015. № 1 (3). С. 49–54.

41. Курьянович А.В. Динамика жанрово-стилистических особенностей русского эпистолярного дискурса носителей элитарного типа речевой культуры (XX–XXI ВВ.): автореф. дисс. ... канд. филол. наук 10.02.01: Томск, 2013. 39 с.

42. Лебедева Н.Б. Естественная письменная русская речь как объект лингвистического исследования // Вестник БГПУ: Гуманитарные науки. 2001. №1–2. С. 4–10.

43. Лебедева Н.Б. Жанры естественной письменной речи // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М.: Лабиринт, 2007. С. 116–123.

44. Леонтович О.А. Методы коммуникативных исследований. М.: Гнозис, 2011. 224 с.

45. Миллер Т.А. Античные теории эпистолярного стиля // Античная эпистолография. М.: Наука, 1967. С. 5–25.

46. Многая лета!.. Православные поздравления и торжественные обращения [Электронный ресурс].2004.URL: <https://goo.gl/LLolW8> (дата обращения 17.02.02017).

47. Осипов А.И. В чём сущность христианства. [Электронный ресурс] URL: <https://azbyka.ru/v-chem-sushhnost-xristianstva> (дата обращения 17. 02. 2017).

48. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. С. 22–130.

49. Пономаренко Е.А. Классификация речевых жанров институционального (медицинского) дискурса (на материале произведений русских писателей-врачей) // Жанры речи. 2015. №1(11). С. 117–121.

50. Протопопова О.В. Эпистолярный жанр // Стилистический энциклопедический словарь русского языка [Электронный ресурс] / под ред. М.Н. Кожинной; члены редколлегии: Е.А. Баженова, М.П. Котюрова, А.П. Сквородников. М.: Флинта: Наука, 2011. С. 627–631. URL:<http://uchitel-slovesnosti.ru/slovari/10.pdf> (дата обращения: 27. 02. 2017).

51. Протопопова О.В. Эпистолярный стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка [Электронный ресурс] / под ред. М.Н. Кожинной; члены редколлегии: Е.А. Баженова, М.П. Котюрова, А.П. Сквородников. М.: Флинта: Наука, 2011. С. 631–634. URL:<http://uchitel-slovesnosti.ru/slovari/10.pdf> (дата обращения: 27. 02. 2017).

52. Рабенко Т.Г., Черепанова Е.А. Жанры приветствия и прощания в речи студентов // Вестник Кемеровского государственного университета. 2008. №2(34). С. 174–179.

53. Седов К.Ф. Психолингвистический аспект изучения речевых жанров // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М., 2007. С. 13–17.

54. Смолина А.Н. Благопожелание в современном российском православном телевизионном дискурсе (на материале телепередачи «Церковный календарь» с о. Евгением Попиченко) // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. № 1 (1). С. 161–173.

55. Смолина А.Н. Духовное письмо как жанр русской словесности // Мир науки, культуры, образования. 2016а. №2(57). С. 384–387.

56. Смолина А.Н. Духовные письма игумена Никона (Воробьёва): особенности троепической организации // Мир науки, культуры, образования. 2015. №4(53). С. 326–329.

57. Смолина А.Н. Этикет русского духовного письма: теолингвистический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016b. № 2–7 (61). С. 171–176.

58. Смолина А.Н. Языковые особенности русского духовного письма / А. Н. Смолина // Мир, культуры, образования. 2016с. №2(57). С. 387–390.

59. Сухотерина Т.П. «Поздравление» как гипержанр естественной письменной русской речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Кемерово, 2007. 18 с.

60. Сухотерина Т.П. «Поздравление» как особый вид коммуникации // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2005. №5–3. С. 126–127.

61. Тарасенко Т.В. Этикетные жанры русской речи: благодарность, извинение, поздравление, соболезнование [Электронный ресурс] :автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Красноярск, 1999. 19 с. URL: <https://goo.gl/bZeOwh> (дата обращения: 14.02.2017).

62. Тенекова А.М. Формирование коммуникативной педагогической компетентности студентов на основе жанровых разновидностей предисловий и послесловий // Риторика и речеведческие дисциплины в условиях реформы образования. М.: Тезаурус, 2016. С. 253–256.

63. Формановская Н.И. Вы сказали «Здравствуйте!» (речевой этикет в нашем общении). М.: Знание, 1987. 160 с.

64. Формановская Н.И. Культура общения и речевого поведения. М.: ИКАР, 2010. 237 с.
65. Формановская Н.И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. М.: Русский язык, 1982. 126 с.
66. Черванёва В.А. Речевые жанры мифологического текста: субжанр личной интерпретации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2017. №1. С. 76–78.
67. Чернышева А.Ю. Речевой этикет в сакральном дискурсе // Филология и культура. 2012. №2(28). С. 157–160.
68. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра [Электронный ресурс] // Жанры речи. Саратов: Изд-во Государственного учебнонаучного центра «Коллежд», 1997. Вып. 1. URL: <https://goo.gl/OWsndk>(Дата обращения: 19.09.2016).
69. Щурина Ю.В. Классификация комических речевых жанров коммуникативного пространства Интернета // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2014. №2(87). С. 39–43.

Список источников иллюстративного материала

70. Софроний (Сахаров), архимандрит. Переписка с протоиереем Георгием Флоровским [Электронный ресурс]. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2008. 176 с. URL: <https://goo.gl/XoKhZu> (дата обращения: 26.01.2017).
71. Софроний (Сахаров), архимандрит. Письма близким людям [Электронный ресурс]. М.: Отчий дом, 1997. 172 с. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Sofronij_Saharov/pisma-blizkim-lyudjam/ (дата обращения: 26.01.2017).
72. Софроний (Сахаров), архимандрит. Письма в Россию. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2010а. 288 с.
73. Софроний (Сахаров), архимандрит. Подвиг богопознания. Письма с Афона [Электронный ресурс]. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2010б. 368 с.

URL: https://azbyka.ru/otechnik/Sofronij_Saharov/podvig-bogopoznanija/ (дата обращения: 26.01.2017).

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра русского языка, литературы и речевой коммуникации
45.03.01 Филология

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой РЯЛиРК
И.В. Евсева

« 16 » _____ 2017 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА
**ЭТИКЕТНЫЕ РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ
В ДУХОВНЫХ ПИСЬМАХ
АРХИМАНДРИТА СОФРОНИЯ (САХАРОВА)**

Выпускник

М.В. Шипилова

Научный руководитель

д-р филол. наук, доц. И.В. Евсева

Нормоконтролер

Н.П. Булахова

Красноярск 2017